

Чистота

Лишь тот способен пробудиться,
Кто душу заставлял трудиться.

“Літера Н.” № 1(25) — 2009

Миколайський

міський журнал поезії

lnteta-n.nikrontal.net

lnteta-n.nk.ua

З м і с т

Заставь себя расстаться с той
Любимой, заезженной пластинкой,
Что звучит в тебе. Слабо?

Редакція, видавці:

Михалко Скалиці

Евген Проворний

Евген Цимбалюк

Невинность

Как суд всем мил.
А мне постыл.

Верстка М. Скалиці

Утро

Пусть день новый удивит меня
Своим вкусом.

Тексти можна надснимати на

адресу:

54020 Миколайв-20,

а/с 97,

або е-поштою

mskal@updex.lv

provolnyu@ukr.net

Осень

Как хорошо лежать вдвоем,
Обнявшись, и слушать дождь.

Любовь

Благодарю за всё, что ты не сделал
Для меня.

Видаання некомерційне
Зареєстроване 20.12.2004

обласнимуправлінням

у справах преси та інформації

Миколайської ОДА

Регістраційний номер: МК 450

Жена

Я левый падеж на твоей ноге.
Печинка на твоих руках.

Виходить

один раз на два місяці

Проснулся

Ты снился мне,
За сон благодарю.

Віддруковано на ризографі

ТОВ “Ортен”:

м. Миколайв,

п-кт Миру, 5

тел. (0512) 21-86-81

Пускай радужные шарики — расту.

Ответ

Я желаю не рождаться.
Чтоб разорвать свой круг.

Схвалено до друку 15.03.2009

Наклад:

100 примірників

<i>Евгений Цимбалюк</i>	
Две статьи	2
<i>Михалко Скалиці</i>	
ПМ	10
<i>ЗаводюкД</i>	
РАНЬПЕВУ	18
<i>Евгений Уманов (Умка)</i>	
2 PUNK-STORIES	14
<i>Вика Петровна</i>	
ДЕДУШКА	27
<i>Евгений Цимбалюк</i>	
ОБРАЩАТЬСЯ К ВОДИТЕЛЮ	29
<i>Нина Луценко</i>	
“...желаю не рождаться...”	51

ХУДОЖНЯ КРИТИКА

Евгений Цымбалюк

ДВЕ СТАТЬИ

1. Энергия пролёта

Валерий Болгаренко. Фартовый полдень. — Николаев: Издательство Ирины Гудым, 2009. — 64 с. — 500 экз.

«Фартовый полдень — книга о красоте, доброте, одиночестве, любви, о красивых женщинах, о высоте чувства, духовных исканиях и мироощущении» — обещает резюмё, которое я тоже прочитал. Та-кая у меня привычка, читать всё, что предназначается мне — чи-тателю. Судя по общим словам, автор спича книгу не читал, либо, ещё хуже, книгу читал и сознательно ввёл читателя в заблуждение. Высота чувств и доброты — абсурд, красота — относительно, оди-ночество и мироощущение — неизбежность любого творчества, духовных исканий — нет, как нет никаких «женщин», которые бы населили этот полуденный мир. Вопреки обещаниям, мир сборни-ка скуден и однообразен. В нём живёт только одна женщина, к ко-торой не обращается автор, а о которой он пишет. Со страници на страницу перетекает в разных безыкусных интерпретациях од-но эмоциональное переживание, полнее всего выраженное на 28-й странице:

*Казалось мне, что Вас почти забыл.
Что рассматривались мы без горячи слубокой.
Так отчего я Вам вчера весь день звонил?
Не дозвонившись, ранился жестоко.*

И т. д.

В этом тексте ключ ко всему миру сборника. Механизмы этого мира приводятся в действие набором постоянно повторяющихся образов-шестерёнок (штампов): «Мрак в сердце», «Ледник в серд-це», «сердце тоскует», «сердце терзается», «сердце что-то гложет», «в фальши счастья не найти», «сказочный миг», «сказочный день», «свет хрустальный под луной», «колдовские ночи», «шепот аллей», «злые тучи», «тьма», «горькая улыбка».

Мимо жанру

Нина Луценко
Д е б ю т !

“...желаю не рождаться...”

Ты!

Ты для меня и боль, и влдохновенье,
И жизнь, и смерть,
И несколько мгновений
Блаженства.

Ты! Потери боль и горечь опозданья,
И громкое «Люблю!», и тихое «Прости!»,
И чудо, и надежда, оправданье
Моей беспомощности. Ты!
Ты самое большое счастье и несчастье в моей жизни.

Одиночество

Земля и небо.
Я между ними.

Единство

Покой — борьба.
Свет — тьма.
Благословение — проклятье.
Правда — ложь.

Мне от рожденья дар небес — монада.
Янь — инь заложено во мне.
Я — Нина.

Нельзя рассчитывать на завтра.
Завтра нет. Сегодня есть любовь.
Наивен свет.

Вечность

Во мне есть всё и ничего.

комнатний тапочек вляється на пол. Брудильник починає громко звеніть, ніхто не встаєт, щобов его выключить.

З А Н А В Е С

8 декабря — 18 января 2008 года

В таком свете в интересное положение попадает вступительная статья Вячеслава Козлова. Вступительные статьи к первым (в особенности) сборникам вообще отдельная тема. Не в каждом собрании сочинений классики найдёшь столько лёгкости. Так вот, Вячеслав Козлов пишет: «Его (Валерия Болгаренко — Е. Ц.) поэзия немного сентиментальна, немного цинична, но всегда искрена в выражении чувств, характеризирующих автора как человека неравнодушно, тонко реагирующего на все повороты и изломы судьбы»...

Действительно, на 55-й стр. обнаруживается истинный слухок выражения чувств, характеризующих автора как человека неравнодушно, тонко реагирующего. Посвящение гласит: *Литературному Братству*. Именно так, с больших букв, как будто Богу или, в крайнем случае, Президенту. А дальше текст (здесь — с моими примечаниями в скобках):

*Причастен я, — причастен! — к той Вселенной,
Которую благословил Господь,
Которая легко и дерзновенно
По Космосу свой светлый взор несёт,*

(В каком измененном состоянии сознания можно представить Вселенную, которая несёт свой взор (!) по Космосу? Даже накурившись хорошенько анаши, вряд ли какой-нибудь Петя Кузькин способен нести свой взор — пусть и слегка задурманенный — сквозь Кузькина Петю.)

*Которой не страшны преграды,
Которая победы знает вкус,
В которой лицемерить, лгать не надо,
В которой я пишу свои стихи. И — рад им!*

(А Гоголь, сжигающий рукописи — всего лишь паранойк, потому что был не рад, да и над проблемами “свойственности” не очень-то задумывался.)

*В которой я под грузом зла не гнуш.
Я думал что такой Вселенной нету,
(А я думало — нет. И даже не было никогда.)
Во всяком случае ей для меня не быть,
Но я почти обрёл её, и бедам,
(Так причастен, как говорится вначале, или почти обрёл?)
Надеюсь нас вовек не разлучить!*

А теперь о главном. О любви, конечно. Любовь и производные от неё глаголы упоминаются в текстах так же часто, как подчёркнуто-дистанцированное обращение «Вы». Но есть ли любовь, явление которой, кстати, также обещает читателю предисловие?

Студентам Гарвардского университета Умберто Эко говорил: «Для Томаса Элиота единственным способом выражения эмоции

в художественной форме является нахождение «объективного кор-релята», иными словами — ряда предметов, ситуации, цепочки со-бытий, которые могли бы стать формулой той эмоции». Восхища-ясь стилем Флобера Пруст ... цитирует строчку: «Госпожа Бовари подошла к камину» и удовлетворенно замечает: «Нигде не сказа-но, что ей было холодно». (Умберто Эко. *Шесть прогулок в лите-ратурных лесах*.)

У Пушкина, стиль которого явно копирует Болгаренко, это зву-чало так:

Пора, пора мне быть умней!

Но узнаю по всем приметам

Болезнь любви в душе моей:

Без вас мне скучно, — я зевая;

При вас мне грустно, — я терплю;

И, мочи нет, сказать желаю,

Мой ангел, как я вас люблю!

(«Признание»)

У Болгаренко «проще»: люблю (три раза), и всё. Звучит название чувства, но нет самого чувства, ошущения. Во мне пробуждается подозрение, что автор либо обманывает меня, и на самом деле во-обще не была никакой любви, или же не договаривает, опасаясь открытости, то есть, опасаясь оказаться передо мной (читателем) голым, незащищённым. Но что такое поэзия, если не эта самая нагота чувств?

Ещё большие подозрения вызывает автобиография Болгаренко, в которой автор заявляет: «Хочу оставить людям после себя как можно больше хороших стихотворений и ещё хочу, что самое глав-ное, чтобы обо мне по-настоящему не хотелось говорить плохо. Ни-кому». Принцип количества и качества автор явно игнорирует. Следом — сетования: «Жаль только: всем не угодишь». Жаль? То есть, и чтобы хорошие стихи, и чтобы всем нравились? Такое только с наркотиками бывает. Интересно, сколько плохого гово-рили об Александре Сергеевиче при жизни? Особенно после его «Гуссарских» похоронений —

Добра чужого не желать

Ты, боже, мне повелевай;

Но меру сил моих ты знаешь —

Мне ль нежными чувствам уравни?

Признавался в «Десятой заповеди» Александр Сергеевич. Кста-ти, после богоулыбной «Гаврилады» его тоже по голове не глади-ли. А не так давно поэт Алексей Цветков вообще заявил: «...ран-

тылка надаёт на резиновый пол. Луна тик скрывается в кабине.
Двери в вагоне закрываются.

Бродяга (стучит кулаком в дверь). Пусто! Не сходи с ума, пусто! Ну, пусто! Хотя бы скажи, когда перекрёсток. Я скажу, ку-да поворачивать! Что же ты молчишь?!

Трамвай набирает скорость. Начинает звучать Eric Satie

“Гимнориде # 3”. Бродяга нерешает стучать — он рассмат-ривает свои покрасневшие руки. Бродяга подбирает свою бу-тылку и собирается выкрутить её в окно вагона. Однако, заметив Кондуктора с гвоздикой, Бродяга разбивает бутылку о ближайшую спинку сидения и поочередно режет себе пальцы обеих рук. Затем, спрятав ладони под мышками, как будто от холода, подходит к Кондуктору.

Бродяга. Можно? (Не дожидаясь ответа, садится рядом.)

Кондуктор (дрожа от страха). Цветок я вам все равно не отдам.

Бродяга. Долго нам ехать?

Кондуктор. Водитель знает.

Бродяга. Только не летает. (Достает из кармана билет и реёт.) Что кондуктор делает с безбилетником?

Кондуктор. Зайца положено доставить в трамвайный парк для выяснения.

Бродяга (зевает, говорит сонно). Парк, наверно, далеко, а я чертовски устал. Глаза, как свинцовые Я здесь вздремну пока, хо-рошо? Постарайся не храпеть... (Надвигает козырёк кепки на гла-за и ложится на плечо Кондуктору.) Спать хочется, умираю.

Бродяга засыпает на плече у Кондуктора и та, обняв его рукой с цветком, гладит по голове. В образовавшейся тишине стучат трамвайные колеса. В ночи медленно разгорается оранже-вый рассвет. Внезапно, свет гаснет, музыка обрывается. В темно-те пронзительно визжат автомобильные тормоза. Когда начинает звучать Air “Сетиару рату”, появляется первый луч света. Он ос-вещает кусок дороги возле дашеиной остановки и вылет лежащего на спине Бродягу. Из-за назухи на лицо Бродяги налез бу-тон сломанной гвоздики. В руке у Бродяги — лимонно-жёлтый обруч для волос.

Когда первый луч света гаснет, появляется второй луч, освещаю-щий кровать и тумбочку с будильником. В кровати, скрывшись под одеялом, лежит человек. Мы видим только его босые ноги. Один

Лунатик. Просто подарите.
 Кондуктор. Опять?
 Лунатик. Каждому — своя остановка.
 Бродяга (*сует билет в карман поджака*). Ты смотри, моя
 гвоздика пригодилась. Мадам, вы знаете, что она не для вас?

*В ответ Кондуктор раздражается плачем и спешит в свое
 «укрытие» за стинками.*

Бродяга. Что с ней?
 Лунатик. Кошмары... (*Поворачивается уйти в кабину водителя*.)
 Бродяга (*приветств с места*). То-то я смотрю, костомчик об-
 новился. Эй, лунатик! Ты что ли здесь руглишь?
 Лунатик (*останавливается у самой двери кабины*). Если бы
 я — ты бы опять не успел.

Бродяга (*медленно приближается к Лунатику*). Так может
 ты не на своём месте, лунатик? Позволь МНЕ попробовать.

Лунатик. Поздно.

Бродяга. Ты элишься на меня. А вдруг твоя злоба тебе меша-
 ет больше, чем любой грузовик? Я не знаю, должен был играть
 своего музыку или нет, но я сыграл. Похоже, успешно. При этом
 остался пустым, как выделенное яйцо. С другой стороны, не будь я
 пьяным и добрым, ты бы не оказался здесь и не остановил бы
 трамвай... Эй, вопрос уже не в том, где девушка с жёлтым обру-
 чем. Вопрос в том, кто поведет.

Лунатик. Ты знаешь дорогу?

Бродяга. Ты не можешь не дать мне попробовать.

Лунатик. А я знаю.

Бродяга. Уверен?

Лунатик. На все сто!

Бродяга. Как, если остается ещё одно неизвестное?

Лунатик. Я знаю достаточно.

Бродяга. Достаточно, чтобы вместо роля увидеть скамейку.

Дай мне ещё один шанс!

Лунатик. Тогда мне придется отдать тебе свой.

Бродяга. Но трамвай остановился! Я на него успел для чего-то.

Лунатик. У нас нет времени выяснять, скоро утро.

Бродяга. Прошу тебя, мы так близки к цели.

Лунатик. У нас не может быть одной цели.

Бродяга. Кто тебе сказал, что она одна?

Лунатик. Я не видел здесь второго пассажира в жёлтом обруче.

Бродяга. Ты не встретил и первого!

*Бродяга бросается на Лунатика, но Лунатик отта-
 кивает Бродягу так, что вышущенная из руки Бродяги*

ние стихи Пушкина, это, извиняюсь, говно. Какая-нибудь «Дерев-
 ня»... Если бы мы знали Пушкина без поздних стихов, это была
 бы катастрофа...». Оказывается, «канонизированный» школьной
 программой поэт нравится не всем. На качество текстов это никак
 не влияет, и все же...

Но главное — желание, чтобы не говорили плохо. За ним скры-
 вается страх незащищенности, не позволяющий автору раскрыть-
 ся. Вячеслав Козлов пишет: «...возникающим чувствам он не дает
 остыть, подкрепляя их строками, в которых явно ощущается по-
 этический культ женщины, взвешенные суждения о которой про-
 низывают многие стихотворения автора». Именно взвешенные
 суждения превращают сборник в бездушное тело. Ни страсти, ни
 злобы, ни пропасти отчаянья, ни лестницы в небо, а только
 экзальтированная грусть, приукрашенная романтическими кра-
 сивостями.

«Каждый поэтический сборник стихов Валерия Богдаренко — это
 набор поэтической высоты, если не за пределами, то во всяком слу-
 чае достаточной, чтобы оцутить новизну и энергию полёта», —
 несмотря ни на что, утверждает Вячеслав Козлов. Чтобы расмо-
 теть заявленную высоту, я вооружился сначала подзорной трубой.
 Потом понял — больше пригодится микроскоп. За рифмой «ты-
 мечты», «дней-ей», «был-любил» — высоты не обозрел. Но рифма,
 как и размер, не всегда главное. С надеждой навёл резкость...
 «Как будто ударило токком.// Всео душу лигнша печаль.// Лишь ду-
 шу? Не только, не только...» (4 стр.) Решил, что автор повторяет
 слова для создания нужного эмоционального эффекта или «энер-
 гии полёта». Но уже на 7-й странице встретилось опять: «...В мыс-
 лях не раз и не два повторюсь,// Значит искалось! Искалось! Иска-
 лось». Дальше уже не удивлялся: «Разгулялась зима. Снегопад,
 снегопад...» (стр. 14), «И вот ушла, ушла любовь...» (стр. 24), «По-
 тому, что люби, очень сильно люби!» (стр. 40), «И на смену — лишь
 боль, только дикая боль» (стр. 40). Это уже не стихи, а нейролинг-
 вистическое программирование. Из приведенного ряда выбивает-
 ся, разве что, это:

Пять минут, чтоб курить. Пять минут, чтоб собраться.

Чтоб приехать туда, где, быть может, не ждут.

Пять минут еще есть от всего отказать.

Пять минут.

Пять минут, чтоб решить. Пять минут, чтоб собраться.

Только можно ль прошедшее снова вернуть?

Чтобы все зачеркнуть или к тебе возвратиться —

Пять минут.

(стр. 37)

Не обнаружив высоты, решил искать обещанную новизну. На 9-й стр. обнаружил: «*Спящие рук* // *Мелькание тишины*... // *Какие ввечеру* // *Порою снятся сны*». Интересно, слово «ввечеру» следует считать неологизмом? Или считать таковым выражение «*Кровью своею кричу*: «*Отойдите!*» (стр. 41)? Может быть, новизна авторского стиля и взгляда кроется на 16-й стр.: «*Я вижу пансион далёких лет* — // *Портрет царя на розовых обоях*». Не на стене, а именно на розовых обоях, как детские шалости филомастером.

Заканчивая, хотел бы посочувствовать Болгаренку в его немоготе:

*Я писал бы стихи каждый день,
Но, увы, каждый день не могу.
Не причина — замучила лень.
Не причина — от жизни бегу.
Не могу. Вот и все. Не могу!*
(стр. 57)

И не могу. В смысле посочувствовать.
Не можешь? Не пиши!

2. Богемные игры

13-14 карат. — Сборник поэзии. — Сост. Аркадий Суров. — Изд. Константин Доренский, 2009. — 32 стр.

Бар «Карат» — заведение в Николаеве богемное и, значит, острое. В обычных барах посетители паралапают свои послания в вечноность на столах или на стенах туалета. В «Карате» для таких целей предусмотрительно имеют журнал. Чувствуя внезапный позыв искренности, который не залить уже ни одним бокалом коньяка, любой желающий может выплеснуть её (искренность) на бумагу (впрочем, как свидетельствует Олег Духовный, в туалете “Карата” тоже пишут).

До наших дней дошло два «тома» журнала. На основе первого, со слов поэта Аркадия Сурова, им составлен сборник, о котором речь. Под загадочно-чёрной, как эфиопский кофе, обложкой с красным тиснением: «**13-14 карат**», скрывается ремарка, адресованная читателю: «*Этот сборник результат жизни большого волонного поэтического сообщества, именуемого бар «Карат». 13-летию «Карата» посвящается*».

А теперь представим, что небезынтересная история «зачатия» сборника, чётко обозначающая контекст, придающая изданию

Бродяга (*залихачивший*). Я знал... что ты... добрый малый и... не бросить... друта...

Лунатик. Ты обманул меня.

Бродяга. Хороший костюмчик.

Лунатик. Далеко собрался?

Бродяга. Не дальше, чем ты.

Лунатик. Ты ничего не говорил о НАС.

Бродяга. Я даже мечтать не мог...

Лунатик. Где она?

Бродяга (*осматривая вагон*). Судя по всему, девушки с желтым обручем здесь нет. (*Из-за спинки покачивается Кондуктор*.) О! Нет, не она... Будем искать дальше. Ты же не пал духом?

Лунатик. Не забывай, этой мой сон.

Бродяга. Как знать? Я сегодня спешил не меньше твоего.

Трамвай у нас, похоже, один. Может, и девушка?

Лунатик. Выходи!

Бродяга. Такое твоё спасибо. Если бы не я, где бы ты сей-час был?

Лунатик. Она тебя не ждёт.

Бродяга. Я тоже сначала так подумал. И всё-таки вероятно, что она видит на дороге тебя, — такая же, как и вероятно видеть меня. Пятнадцать на пятнадцать. «Подожди, эй, меня подожди!». Помнишь?

Лунатик. Этот сон — мой.

Бродяга. Мы так и не решили, кому он снится. И если уж трамвай вернулся... Судьба, одним словом.

Лунатик. В таком случае... Эй, кондуктор, у нас пассажир без билета!

Кондуктор *выбирается из своего укрытия и подходит к*

Лунатик у, *прячась у него за спинкой*.

Кондуктор (*на ухо Лунатик у*). Он обязательно всё изгадит!

Лунатик. Так уже.

Кондуктор. Неужели!

Бродяга. О чем вы там шепчетесь?

Лунатик. Пассажир обязан приобрести билет.

Бродяга. Да брось... (*Садится на ближайшее сидение*.)

Лунатик. Иначе ты не сможешь выйти.

Бродяга (*делает глоток из бутылки*). Здесь на полу нигде не завалился?

Лунатик. Ещё не поздно выйти. (*Бродяга уверенно мотает головой*.) В таком случае, кондуктор, дайте ему билет.

Кондуктор. Без оплаты?

голубая кенка. Лунатик закрывает дверь и снова открывает — пусто.

Кондуктор. Что вы сделали с водителем?

Лунатик. Вот тебе и бабочка из музыки. Мы разобьемся.

Кондуктор. Оставим всё, как было.

Лунатик. Никогда не получится!

Кондуктор. Мы же до сих пор ехали.

Лунатик. Мы до сих пор не знали. Подумайте, трамвай без водителя обязательно сойдёт с рельсов!

Кондуктор (*неуверенно*). Не сойдёт, если не думать.

Лунатик. До первого поворота. Что тогда с нами будет?

Кондуктор. Я кондуктор, а не водитель. Я даже заходить туда не имею права. Я вообще ничего не видела. Закройте дверь.

Лунатик. А вдруг она захлопнется, и тогда мы точно ничего не сможем сделать. Вы когда-нибудь видели водителя?

Кондуктор. Если трамвай выезжает на маршрут, значит, его ведёт водитель.

Лунатик. Если есть сон, значит, есть человек, которому он снится.

Кондуктор. Что вы там бормочете?

Лунатик (*вздыхает*). Хотел бы я быть туристом...

Кондуктор. Куда вы собрались? Вам туда нельзя!

Лунатик *входит в кабину водителя и перед носом Кондуктора закрывает дверь. Свет снова гаснет. Некоторое время слышится стук колес, а затем — железный скрежет тормозящего трамвая. Фреймт открывающиеся двери. Тусклый луч света — ровно столько, чтобы различить человеческую фигуру — освещает дверь кабины водителя. Дверь открывается, выходит Лунатик.*

Лунатик (*в темноту вагона*). Эй, кондуктор! Мы, наверно, сломались... Трамвай дальше не едет.

Внезапно свет загорается в полную силу, освещая, как прежде, весь вагон. Неприятный Кондуктор высовывается из-за стенок сидения.

Кондуктор. Значит, остановка.

Лунатик (*он уже обет в вещи из кабины*). Я не делал остановки!

Где-то близко слышится знакомый голос: «Эй! Подожди! Ну, будь человеком! Меня подожди!» Лунатик прислушивается. Кондуктор прыгает обратно за спинки. Через заднюю дверь в вагон бегают Бродяга с бутылкой.

культуемость, мне не известна. Я открываю брошюру, читаю «посвящение» и думаю: люди, именуйте себя «большим поэтическим сообществом», наверно, очень любят «Карат» и поэтом посвятили ему свои стихи. Начиную читать до первой подписи «Неизвестный автор», вспоминая могилы неизвестных солдат и вожу в ступор.

Уверен, при чтении сборника у любого читателя не из тусовки возникнут похожие мысли. Если он, конечно, не запутается ещё больше. Собственно читатель... Улучшенные возможности, которые зияют в сборнике, будто чёрные космические дыры, выплывают из одного вопроса, на который, судя по конечному результату, составители и издатели сборника себе не ответили. Вопрос такой: для кого сборник? Ответ вроде «сделать себе приятно» не пройдёт, потому как себя легко побаловать в любой момент, открыв «двухтомник» барного журнала. Его не только почитать можно, но и допить. В общем, для себя никак не получается.

Зачит — показать себя (сообщество) читателю. Но с первой страницы он введен в заблуждение. Он так же дезориентирован отсутствием названия города в «выходных данных». Кажется, мелочь. Но предположим, что кто-то в Николаеве не знает о существовании «Карата» или (пусть даже гипотетически) не в курсе, кто такой поэт Аркадий Суров. Возникает вопрос, как он узнает о «прописке» сборника, чтобы прийти и распеловать полубившихся с первых строчек поэтов и купить у них по книге с автографом? А вдруг сборник попадет в другой город? Государство? На другую планету?

Не предназначен сборник и для искушённых читателей, которым имена Аркадия Сурова, Олега Палама или Олега Духовного, чьи тексты входят в сборник, говорят достаточно. Данная категория читателей с творчеством авторов знакома хорошо. И если речь не просто о сборнике, но сборнике на основе неких барных записей, главная интрига заключается в том, чтобы получить возможность увидеть знакомых тебе авторов с новой, возможно, неожиданной стороны. Барная атмосфера особенная, с порота очипшающая от социальных условностей. Пододвигая к себе рукописный журнал «Карата», поэт не думает (надеясь) об издательстве, о том, как он выглядит и можно ли говорить о запрете. Он задорен, весел или печален, как выпуск новостей. Такими хочется открывать известных тебе авторов. В этом должна быть главная фишка сборника. И в этом ещё одно разочарование... Суров здесь тот же Суров, которого читаешь в его книгах. Духовный — аналогично. Палам? Пожалуй, он смотрится лучше всего благодаря своему: «Я уйду от тебя к резиновой женщине... Буду красить ей губы, буду её одевать». Может быть, самый страстный текст сборника. С первых строк чувствуешь, читать его нужно вслух, в табачном ды-

му бара, не-пременно взобравшись на стол: «...И пойдет не по маслу, а по вазелину, // Наша жизнь из чудес и фантазий. Без роз».

Допускаю, что среди матерной ругани и прынятых, невнятных пурзрей журнала, выбрать для сборника было особо нечего. Однако заданный формат обязывает журнал к определенному уровню зрелости. Его нет. Вместо этого имеем старых проверенных знакомых в компании неизвестных (не подписавшихся) авторов, которые, кстати, вызывают куда больший интерес. Например, стихотворение «Поздний вечер» Неизвестного автора:

*Дьявно, шумно,
Смех и крик,
«Дип-турмле» в затылок.
Робко ангел призывает
Позади бутылки.*

*Призывает, сидит и ждет —
Может, кто-то позовет.*

Создавая особое настроение, данный текст как вольное шаманское заклинание имеет полное право открывать сборник, но никак не теряться на 25-й странице.

Стал для меня открытием автор под псевдонимом Нафана. «Губы // целуют вазосе сигарету, // жаль... // не тебе». Трогает простая искренность текста.

Еще одно открытие — Митя Фенечкин и его обаятельный, сюрреалистический наив. В «20-ти сигаретах» текст вышел из-под контроля автора с появлением непонятно откуда взявшегося героя, а вот «Был», несомненно на какие-то намеченные и тут же поломанные контуры размера, любопытен: «Я // Был рекой, кто-то во мне топился // Я // Был цветной, и я кому-то снился // Я // Был строчкой на листе. // Во мне завернут бумерборд». И дальше в таком же духе. Правда, улыбает?

Однако не успело солнце выглянуть из-за туч, как на него наполовину заступила тень. Тревожным громом оповещают читатели: никакой релактуры текста не произошло. «Зима продолжает вечно, // А лето приходит так редко», — пишет Неизвестный автор. Другой Неизвестный автор заявляет: «Улегу, убегу, чтобы с вами проститься». А его «однофамилец» нервно путается в собственной паутине:

*Да, я вампир, а, может, дьявол (ого-го! — Е.Ц.)
Или заблудшая душа.
Кровь — мой напиток,
Пламя — еда, моя посылка — солнца луч.
Ведь я Лилит, вампир и демон.*

была, и по этому, и по этому тоже была остановка. Не было только по-вашему. Все, кто выходит, оставляют мне свой билет. Для отчетности, а не для того, что вы подумали. Мне чужого не надо.

Лунатик. А здесь нет билета девушки?... У неё ещё обруч в волосах.

Кондуктор. Я пассажиров не рассматриваю. Мне, главное, билет. Или в парк, если зайдем.

Лунатик (скакивает с места). У неё не было билета! Конечно! Поэтому она никогда не могла выйти. Вы отвозите её в парк.

Кондуктор. Ваше счастье, что у вас есть билет. Счастливей! Лунатик. Заберите обратно!

Кондуктор. Вы как-то определитесь.

Лунатик (мелко рвет билет). Я — заяц, везите меня в парк. Кондуктор. Полюбуйтесь на него, теперь он опять заяц. Нет, мы так никогда не доедем.

Лунатик. В парк?

Кондуктор. До вашей остановки.

Лунатик. Я же без билета.

Кондуктор. Сами не знаете, чего хотите — так не путайте водителя.

Лунатик. Скажите ему, или я скажу сам.

Кондуктор. Опять нарушаете?

Лунатик (маршаним в дверь кулаком). Эй, открывай! Иначе я выломаю дверь!

Кондуктор. Не надо ничего ломать! Ждите.

Лунатик. У меня нет на это ни времени, ни сил. Я могу проснуться в любую минуту!

Кондуктор. Если дверь сломать, откуда вы знаете, как попутит водитель? Может быть, он вообще остановит трамвай!

Лунатик. Дойду пешком.

Кондуктор. Вы никогда не найдёте парк без водителя. Вы же не водитель!

Лунатик. Я никогда не доеду, если не достану водителя. (Налегает на дверную ручку. Свет в вагоне мигает.) Один... два... три... четыре... (Кондуктор всё ещё пытается ему помешать. Лунатик отталкивает её с такой силой, что она падает на пол.)

Один... Сколько ты меня мучил! Два... Впугую. Три... Почему? Четыре!

Под звук открывающейся двери свет в вагоне гаснет. Кондуктор испуганно вскрикивает. Некоторое время слышно только как стучат колеса по рельсам... Затем свет вновь вспыхивает. Кондуктор вместе с Лунатиком заглядывают в кабину водителя — кабина пуста. На крыше висит оранжевая жилетка, лежит

Лунатик. А мне никто не дарил трамвайных билетов.

Кондуктор. Это должностное преступление.

Лунатик. Это всего лишь сон.

Кондуктор. Даже во сне... Забирайте! (*Отдаёт звездичку.*)

Лунатик. Как вы хотите получить её?

Кондуктор. Оставьте себе!

Лунатик. Цветок, который ВАМ никогда не дарили? Ради тако-

кого случая, я готов стать на одно колено!

Кондуктор. У вас и так жалкий вид.

Лунатик. Смотрите, становлюсь.

Кондуктор. Немедленно встаньте!

Лунатик. На оба колена!

Кондуктор. Запачкаете пижаму.

Лунатик. Один только билет, и гвоздика ваша. Вы даже меч-
тать не могли!

Кондуктор. Ради Бога, встаньте! (*Роется в сумочке.*) Сейчас
найду пробитый билет.

Лунатик. Этот чудесный, спящий цветок заслуживает нового
билета А, может, и двух.

Кондуктор. Чтобы выйти, вам хватит пробитого.

Лунатик. Давайте новый, и чтобы счастливый.

Кондуктор *отрывает от ленты билет и промакивает*
Лунатику. Лунатик *целует* Кондуктору *руку и вруча-*
ет цветок.

Кондуктор. И свисток тоже.

Лунатик. Если выбросить его в форточку, мы остановимся,
чтобы его найти?

Кондуктор. Это всё равно как остановиться, чтобы искать
упавшую звезду.

Лунатик (*отдаёт свисток, изучает билет*). Ты смотри, девять
и девять. Счастливый. (*Демонстративно пробивает билет в комис-*
тере). Скоро моя остановка?

Кондуктор (*с наслаждением вдыхает аромат звездички*). Во-
дитель знает.

Лунатик. Откуда он обо мне знает, если дверь закрыта?

Кондуктор. Не сомневайтесь, это же ВОДИТЕЛЬ! Будем ждать.

Оба садятся на двойное сиденье, некоторое время едут молча.

Лунатик. Кажется, он про меня забыл.

Кондуктор. Такого быть не может. Вот, смотрите (*Роет-*
ся в сумочке и достает несколько мятых билетов.), по этому уже

Расплетая липкие кровавые узлы, мой подручный Мифологичес-
кий словарь утверждает, вампир и демон — совершенно разные
мифические существа. Что за дикая помесь кровосоусущей и пло-
тоядной нечисти выдится автору, разобратся трудно. Да и стоит
ли? Как и спрашивать у автора по «фамилии» **Л83**, что означает
его: «*Я рыба, надаю об лёд*».

Липы, в общем-то, мелкие, легко устранимые. Но теперь уже
только в переиздании (?). Кстати, у «Карата» есть второй том жур-
нала посетительских изысков, а значит вторая попытка.

Первая пошла.

Літера Н.

Клуб журналу

збирається **шосуботи** о 15.00 у холі кінотеатру Мультиплекс
(Сіті-центр на проспекті Леніна, 98)

Роман

Михалко Скаліцкі

ПМ

Друга: Книга Сікорьскаго

I

Уся ця повість починаецься з того, што Галя Сікорьскаго, Галіна Дем'янівна, očуняла ше до прыязду “швідкоі”. Тож мала вже змогу одбыцца од надто пыльнай допамоги, себго од лікарні, вольнывшсь валер’янкою, валокордином, чи ше там чим. Борис Ілліч (або просто ВІ) ваявсья у лікарні місяць.

Спершу Іллічу было вельми зле. Боліло не тільки серце, а й — чи то так уже здавалося — печінка, і нирки, і легені, і голова, і Хребет, і все тіло боліло цілком. Так зле было з тиждєнь. По тижню попустило. Однак ВІ поклявсья на лікаряв, а тоті вже прызначили місачный курс. Тож коли йому полегшало, попрі деякі незручності тричі на день (болючі ін’екції, певне діло), ВІ мав доволі часу відпочити од повесякденности, і для роздумів. І ото про шо він думав.

Думку про біль-біль-біль, шо вона сковувала його фізічно й душевно, змінила інша, навіть двоє інших думок засіли в голові ВІ, хоч обидві мали змістом Скаліцкаго: чи злягаецься Скаліцкі зо своєю сестрою і дружиною Ганкою? та — чи Скаліцкі “какає” і “пісає”, себго чи справляе нужду, звану “тяжкою”, та нужду, звану “легкою”, чи Скаліцкі ходить “до вітру”, чи “прив’язати коня”, чи ше там чого? чи мае Скаліцкі орган для продовження роду, взагалі, а чи тоті, природні, властиві людям отвори, крізь які вони, люди, а заразом і сам ВІ, виділяють з себе усілякий непотріб? Логічно было б... “Усі люди смертні. Сократ — людина. Сократ смертний”, — притадував ВІ з логіки. “Усі люди злягаються і справляють природні потреби. Скаліцкі..? Скаліцкі?..” Але, якшо природні потреби справляють такі всі люди, то зі зляганням трохи інакше. Нентер або віл, або евнух не може злягатися. Тут можна було прыпусцітися грубої логічної помилки. Проте діло й не у логіці і не в “чи”. Як те чи те робить Скаліцкі? І не міг собі того уявити. А відсутність уявлення дивним чинном руйнувала логіку. Таку, здавалося б, простеньку логічну задачку неможливо виріши-

Кондуктор. Разве он для меня?

Лунатик. Теперь всё равно.

Кондуктор. Мне сто лет никто не дарил цветов.

Лунатик. Он сломан.

Кондуктор. Кто сказал? Смотрите, он просто устал и спит. Лунатик (*смотрит на Кондуктора снизу вверх*). Мы уже долго едем. Скоро остановка.

Кондуктор. Не скоро и не ваша.

Лунатик. Я должен сойти.

Кондуктор. Безбилетника нужно доставить в парк.

Лунатик. Задержите меня силой?

Кондуктор. Нет. Мы едем туда без остановок.

Лунатик *вскакивает и отжимает стоп-кран. Ничего не происходит.*

Кондуктор. Из-за таких, как вы, пришлось отключить.

Лунатик. Тогда я разобью стекло!

Кондуктор. Домашним тапочком? Опомнитесь! Мы очень быстро едем.

Лунатик *дёрсает верхние поручни, нытается расшатать одиночное сиденье, но ни один из предметов не поддаётся. Кондуктор вновь дует в свисток.*

Кондуктор. Прекратите немедленно! Хватит с вас штрафа за безбилетный проезд!

Лунатик. Как вы не понимаете, мне нужно выйти!

Кондуктор. Выходит на остановках имеют право только пассажиры с билетами.

Лунатик. Мне нечем заплатить за билет. Хотя... (*Приспавно смотрит на гвоздику в руке у Кондуктора*.) Я могу обменять его на гвоздику.

Кондуктор. Её вы уже подарили.

Лунатик. Отдайте! Я подарю её снова. В обмен на билет.

Кондуктор. Будьте мужчиной!

Лунатик. Тогда мне придется ещё и ударить.

Кондуктор *тянется к свистку, но Лунатик успевает раньше — срывает его со штурка на шею.*

Лунатик (*дует в свисток*) Гвоздику! Ну! (*Грозно надвигается на Кондуктора*.)

Кондуктор (*своозь съезв*). Даже не сто лет. Мне вообще никогда не дарили цветов.

Кондуктор. Не забуваєм компостировать билети.

Лунатик. Какой номер у вагона?

Кондуктор. Снаружи надо было смотреть.

Лунатик (*стучит в дверь водителя*). Скорее остановите трамвай!

Кондуктор. Куда?! (*Останавлюает Лунатика*) Не видите, написано: водителя не беспокоить!

Лунатик. Тогда скажите ему вы, пусть остановит!

Кондуктор. Как же я ему скажу, если беспокоить водителя во время движения — запрещено.

Лунатик. Экстренный случай!

Кондуктор. Кто-то попал под колёса?

Лунатик. Кондуктора не было...

Кондуктор. Понятно. Ваш билет.

Лунатик. У меня нет билета.

Кондуктор (*потрясает рукою билета*). Приобретаем.

Лунатик. Я ошибся трамваем.

Кондуктор. Запл.

Лунатик (*с надеждой*). Или не ошибся? Номер вагона должен быть один, два, три, четыре. Да?

Кондуктор. Вы мне своим странным видом зубы не заговаривайте... Разве люди спешат не на своей трамвай?

Лунатик. Я не уверен. Спросите у водителя, или пусть он остановит трамвай, я посмотрю снаружи.

Кондуктор. Ага, за билетом сбегае.

Лунатик. Нет, не может быть, чтобы в вагоне не было номера!

Кондуктор. Ну, когда-то он был там (*указывает на надпись «Провода не беспокоить...»*) Только зачем пассажиру эти цифры? Даже мне ни к чему. А то, что нельзя беспокоить водителя, чтобы не создавать аварийную ситуацию — важное сообщение.

Лунатик (*подбегает к кабине водителя и прижимается скрестив ногами креслу*). Здесь, говорите? Точно здесь? Не подходите! Я только узнаю номер. (*Стучит кулаком в дверь водителя*.)

Кондуктор *доспівает из кармана свисток и див в него*.

Лунатик *прекращает стучаться и садится на ближайшее одиночное сиденье*. Кондуктор *осторожно приближается, подбегает с пола гвоздик*.

Кондуктор *доспівает свисток и див в него*.

Лунатик *прекращает стучаться и садится на ближайшее одиночное сиденье*. Кондуктор *осторожно приближается, подбегает с пола гвоздик*.

Кондуктор *доспівает свисток и див в него*.

Лунатик *прекращает стучаться и садится на ближайшее одиночное сиденье*. Кондуктор *осторожно приближается, подбегает с пола гвоздик*.

Лунатик.

Лунатик. Что же вы хулиганите? Цветочек чуть не затоптали.

Лунатик *молча отмахивается*.

Кондуктор (*поднимает гвоздик, нохает бутон*). А как пахнет!

Лунатик. Оставьте себе.

ти через неможливість увияти собі, як Скаліцкі, лягаючи спати, роздигається, митьця або обдигається водою з душа, чистить (або не чистить) зуби звичайною собою зубною щіткою; по тому, ліпши, цілує дружинну (і сестру)... Чи дружина-сестра, як от Галія, Галіна Дем'янівна, цілує його, коли їй того заманеться? Як можна увияти собі, думав Ві, щоб уста Скаліцкіго, призначені для виполошування запальних промов, а руки — для писання безсмертних творів, хтиво торкалися жінки, задля збуждення власної осяйної плоти? Яке блюзнірство вважати, що Скаліцкі здатен цілувати її уста і підборіддя, і шию, і плечі, і груди, і свати брунатні щипки і, вихаючи запах її волосся, а долоньями обхопивши перся, а всім тілом, до самих кінчиків пальців на ногах, притискаючись до її тіла, казати їй: “Ти приємна мені”, — або: “Ти солодка мені”? Неможливо ж і справді серйозно вважати, що Скаліцкі навалоється на неї, як би який-небудь Іван, і товче-товче-товче, як би звичайний хтивий самець, як би собака, чи кіт, чи бик, чи хто там ще товче таку ж хтиву самицю, що — перериває свій акт, зводиться навколішки, підносить її ноги, кладе їх собі на плечі і знов: товче-товче-товче. Може дружина, навапки, товче його, не подумавши бодай приголубити, поцілувати, лиш до болю вми'явши долоньями нещасного дітородного органа, та увівшись на його зпори своїм міцним, усе ще міцним, задом, забиває його у постіль з одним, непристойним, словом на язичі? Невже так само б'є його навідліг по шокка, коли сім'я на біду рано випорекне з його плоти, і з тим удовольняється? Чи, може, Скаліцкі має не звичайний орган, а який-небудь інший? Доволі, може, їм торкнутися жіночого лона і йти, спокійно творити собі далі? Хотів би Ві мати такого органа. Але не має. То мусить терпіти од Галі на старості літ. Так думав Ві. Але то — фантазія. Як може Скаліцкі з ким-будь злягтися? Бодай і з сестрою-дружиною? Дружина. Думав Ві. Відомо, люди сходяться не лише аби злягтися. Од самотності хоч би. Або — щоб одному нести у сім'ю гроші, а другій стояти коло плити та народжувати дітей. Але Скаліцкі не може бути самотнім. Бо він — Скаліцкі. Що ж до дітей, то, відомо кожному, дітей Скаліцкі не має. Як не мають дітей Олександр, чи Ольга, чи хоч Володимир Ярославович (правда іде такий поговорі про дітей Володимира Ярославовича, що їх звали Миколою та Лідою; брехня, певне). Їсти йому готувати? Якщо Скаліцкі їсть, то й... “Усі люди, котрі їдять і п'ють — справляють “тяжку” та “легку” нужду. Скаліцкі...” Якщо Скаліцкі їсть і п'є... Думав Ві. Фу, яка гдота. Скаліцкі не може цим займатися. Неможливо собі такого увияти навіть. Не можливо, щоб він, як простий сіромаха, чи неборака, час від часу відчував тиск у кишечнику чи в сечовому міхурі, і цей тиск силував би його полипати усякі нагальні творчі (творчі! — думав Ві) справи та усамітнюватися в якому-будь відхожому місці, себто в

нужнику, або в окремій комірчині типової квартири, де вмуrowано такий собі горщик, а чи у так званому “сумішеному санвузлі”, де цей горщик вмуrowано поряд багні для купання. Не ймовірно, щоб Скаліцкі, розстебнувши ширінку, своїми творчими руками, призначеними для писання безсмертних творінь, діставав якогось пітного пієона і, зігхаючи від полепшення, мочився. Не стерпно б уважати, що Скаліцкі, тотими ж геніальними руками, може спускає штани і спіне і тужитися-тужитися-тужитися, виштовхуючи з себе звичайнісіньке людське лайно, потому підтирається туалетним папером з рулончика, а то й старою туалетною газетиною, скажімо, “Правдою”, чи “Известиями”, чи, крий боже, “Южною Правдою”, по тому піднімати штани, вимивати руки й знов, спокійнісінько собі, мов нічого не сталося, вертатися до перерваної у такий наглий і непотребний спосіб творчої роботи. Неможливо, неймовірно і нестерпно. Бо Скаліцкі це — Скаліцкі, а отже — не людина зовсім, вірніше, не зовсім людина. У нашому розумінні цього слова. Скаліцкі це... Скаліцкі, одно слово.

Отак, чи майже отак, роздумував Бі на лікарняному ліжку. Бувало йому й доти спотикнутися об проблему фізичної чи фізіологічної чистоти нашої родини, але тут він добряче, що називається, зашкиклився і, здається, надовго. Однак, повернувшись додому, до дружнього сімейного кола, він трохи призабув це діло, а трохи то й не хтів пам'ятати, і якийсь час йому велюся доволі добре, себто не зле. Навіть Галя, Галина Дем'янівна, та Анжела “діставали” його не часто. Але.

II

Якось, прокинувшись осеред ночі поряд законної своєї Галі, Бі миттю пригадав сон, що той йому привидівся був шойно, і вперше у житті спізнав почуття цілковитої та остаточної, відчайдушної, поразки. Привидилось йому, що він та Скаліцкі, на пару і почережно, товчуть-товчуть-товчуть його законну Галю і його законно-народжену дочку Анжелу. Так, нібито він, Бі, своєю законну спершу, а Скаліцкі — Анжелу, а потім навпаки. Притому він сам запропонував Скаліцкому пом'янтися коханками. Ні, навіть не так: законна Галя й уві сні товкла-товкла його, а Скаліцко-го згодом, як завжди, уможливившись згори, а з Анжелою то... Бі й прокинувся. На його свідомість знов навернулись переказані вище роздуми, і від того всього можна було з глузду з'їхати. Бі тихцем, щоб не розбудити дороженьку, встав з ліжка і пішов до свого кабінету. Не затримавшись там ні на мить, він повернув до згадуваної вже комірчини, що вона, як ведеться од недавня, сусідить з кухонною плитою і, як того вимагали його природні потреби, помочився, зігхнувши з полепшенням, ще й гучно випустив газу. До

Лу н а т и к (уходя). «Сон, как музыка»... «Я тебе сыграло на скамейке...» Что за чушь? Я просто хожу во сне! Да, мне снится один и тот же сон. Мне лечится надо, а не музыку слушать!

Б р о д я г а (сосредоточенно смотрит на досточки скамейки). Подожди! Я не могу не сыграть её сегодня.

Лу н а т и к. Скамейка в твоём распоряжении — сегодня, и завтра, и всегда! Без меня.

Б р о д я г а. Нет же! Бывает разная музыка. Эта — она как легкая бабочка, которая живет одну ночь. Может быть, я смогу сыграть её и завтра. Но кроме звука в ней ничего не родится. Бабочка может родиться только сегодня!

Лу н а т и к. Желаю успеха!

Б р о д я г а. Её должен кто-то увидеть. Иначе, как я узнаю, что бабочка родилась? Ты только скажи — слышишь ты музыку или нет? Если нет — иди, куда собрался. Если да...

Лу н а т и к (быстро возвращается к скамейке). Какая музыка? Это скамейка, не видишь?

Лу н а т и к ногой бьет по скамейке, вскакивает на неё, и вдруг мы слышим громыхание пианино! Лу н а т и к решает, что ему пошла шалость, и ещё раз прыгает. И опять громыхание. Лу н а т и к идет до края скамейки, будто кот, извлекая звуки. Б р о д я г а радостно обнимает Лу н а т и к а за ноги. Лу н а т и к спрыгивает.

Б р о д я г а. Сейчас полетаем! Ложись быстрее. Нет, подожди... (Подбирает гвоздику.) Вот, передай. И не забудь посмотреть, какого цвета у неё обруч — расскажешь потом!

Б р о д я г а ищет на дощечках скамейки. Начинает звучать Eric Satie “Gymnopédie # 3”. Угнешь на спину, Лу н а т и к засыпает с гвоздикой на груди. Свет гаснет.

Музыка ещё звучит, когда свет снова вспыхивает. Лу н а т и к стоит на передней площадке вагона с гвоздикой в руке. Около закрытой двери водителя читается крупная надпись: «Провода не отключать водителя во время движения». В конце вагона стоит женщина в оранжевой жилетке, с рулоном билетов на груди и с маленькой сумочкой на поясе. Это — К о н д у к т о р.

К о н д у к т о р. Проходим, проходим, не задерживаемся.

При виде К о н д у к т о р а, Лу н а т и к замирает на месте и роется гвоздику.

Лу н а т и к. Ошибся музыкант...

Лунатик. Хорошо, если я настолько двинулся мозгами, что поверю тебе... ну, скажем, поверил, где гарантия, что трамвай вернется вместе с девушкой?

Бродяга. Разумеется, никакой гарантии. Не буду орипинален, если предположу, что она... спит. И в своем сне мучается не меньше. Всё трясётся в этом вагоне, всякий раз надеюсь, что ты на него успеешь. И каждый раз облом. В общем, если она не проснулась — значит, ещё в трамвае.

Лунатик. Уговорил. Играй!

Бродяга. В таком случае — прошу занять места.

Бродяга *снимает с себя пальто и расстилает около скамейки*. Лунатик *усаживается на пальто*. Бродяга *снимает урну со стоек, но не успевает вытряхнуть её, так как Лунатик встает*.

Лунатик. А вдруг всё не так?

Бродяга. Сегодня всё не так. По крайней мере, не совсем так.

Лунатик. Я запутался...

Бродяга. Вот и ложись, чего ты сел?

Лунатик. Нет, а если мне не нужно с ней встречаться?

Бродяга *(держит урну подмышкой)*. Разве ты не мечтал узнать, чем всё это закончится?

Лунатик. А если ничего хорошего из этого не выйдет? Вдруг наша с ней встреча окажется ошибкой? Кстати, во сне ведь можно и умереть.

Бродяга. О, об этом можно только мечтать!

Лунатик. Может, и хорошо, что я до сих пор не успел?

Бродяга *(достаёт из урны сложенную свозидку)*. Знаешь, чем огличается путешественник от туриста? Турист, как только куда-то приехал, сразу хочет обратно. А путешественник, он может и не вернуться.

Лунатик. Вот и о том же!

Бродяга. Только турист никогда не открывает новый континент... Откуда я это помню?

Лунатик. А вдруг не континент, а пропасть!

Бродяга. Как ты узнаешь, если я тебе не сыграю, а ты — не попробуешь?

Лунатик. Причём здесь ты?!

Бродяга. Притом, что я знаю, как играть твой сон.

Лунатик. Это мой сон! Мой! Кого я слушаю?!

Бродяга *высывает содержимое из урны, переворачивает и садится на неё*. *Скамейка оказывается перед ним, будто клавиши пианино*.

кабінету свого знов зайшов, навіть не вимивши рук. Запалив світло.

Назвати кабінетом кімнату, де Бі працював, можна було б хіба з натяжкою. То була ще одна, звичайнісінька тобі, кімнатина, але для спання (у ще одній такій була подружня спальня Сікорських, ув іншій — спальня та учнівський кабінет Анжели). Власне кажучи, Сікорським “положена была” квартира з двох кімнат, але, позаяк Бі мав чин професора та ступінь доктора історичних наук, то йому і відлено од пролетарської держави тогу комірчину, що її Бі довголося ще, проте раз і назавше, відвоювати у законної Галі. То була його святая святых. З неодмінними у такому длі книжковими шафами, з полицями, з дешевими письмовим столом, стильцем та каналюю. На столі, вірніше, на саморобній підставці, до якої стола присунуто, стояло побите шашелем бутафорське бюро “під старовину”, себто невідомого стилю. Бюро мало якусь згодійську історю, зрештою як і шафи для книжок, що їх Бі “дістав” через завгоспа педінституту (а може, й суднобудвельного?). У шафах стояли рівними рядами псевдоісторичні праці в сірняких палітурках та псевдоісторичні й псевдофілософські журнали, без таких, але такого ж кольору (не то відсутності такого). Стіл того дня був вільний од “першоджерел”, чи ще там чого, од друкарської машинки, скажімо, а на борі стояв невеличкий скульптурний портрет нашого, Скаліцкого, Олександера. Зрозуміле діло, завершував інтер’єр, надавав йому смислової докнаності, власне я, Скаліці себто, Михайко, невадло зафіксований нешасним фотографом, тиражований мільйонами примірників і, в даному разі, направлений у раму під шкло та підвищений над робочим столом і бюрою.

Очутившись у своєму кабінеті, Бі сів до столу, посидів трохи не рухаючись, потім узяв до рук погруддя нашого Олександера, покрутив його, так і сяк роздивляючись, поставив на місце, підвісив, загасив світло і пішов досипати.

Уранці Бі мав розмову зо своєю сім’єю.

III

Діло було на кухні за сніданням. Саме була неділя, тож снідали об одинадцятій. На сніданок мали курячий бульйон з яйцем, пречану кашу зі смаженою курятинною ж, салат з огрків та помідорів, вареники з картоплею і з капустою, сметану до них, магазинну кабачкову ікру, сир, ковбасу і сало, нарізані тоненькими шматочками, а до чаю, вірніше, до кави, Галина Дем’янівна, Галя, законна, зробила ще й бутерброди з червоною ікрою, та з мінтаввою — для Анжели, бо Анжела з червоною не любила.

— Анжело, — сказав Бі, як посідали до столу і сворбнули погро-

хи бульбоні. — Анжелю, може ти розповіси нам з мамою усе по порядку, що ти там наговорила була місяць тому, будучи...

— Не починай, — сказала Галина Дем'янівна. — Дай нам спокійно поїсти.

Ві змовк. Але завіз знов, як законна Галя подала усім кави.

— Розумієш, у чому справа, Анжелю, — сказав Ві. — А ти мене, Галю, не перебивай, будь ласка, — і Галя здержалася, — справа навіть не в тому, що ти завдала нам болю своєю витівкою, справа у тому, що я взагалі не розумію, у чому справа.

При остатніх словах Ві похнюпився над своєю чашкою з кавою. Анжела нервово хихикнула.

— Правда, Анжелочко, — сказала Галина Дем'янівна. — Що сталося? Ти з'явилася осеред ночі, п'яна, як чіп... А вже що верзла! Ти пам'ятаєш хоч слово?

Настала черга Анжелі похнюпитись.

— Слухай, Анжелочко, — сказала Галина Дем'янівна. — Усе вже минулося. Ми з батьком не збираємося тебе тут катувати, але, може поясниш нам бодай що-небудь?

— То не я, — сказала Анжела. — То Скаліцкі.

— Скаліцкі! — в один голос скрикнули Сікорські.

— Олександр Данилович там також були? — першою справилася вимовити Галина Дем'янівна, а з лица Ві видно було, що не справився, але силувався сказати те ж.

— Та ні, — сказала Анжела. — Скаліцкі. Михалко. Я й не хотіла, — і вона якомога гіркіше розплакалась.

— Гаразд, — сказала Галина Дем'янівна. — Не плач, Анжелочко, не плач, донечко. Усе гаразд.

— Гаразд, — сказав Ві, й раптом з його вихопилось: — А що ви думаєте з приводу того, що Скаліцкі не справляє природних фізіологічних потреб?..

Сказавши так, Ві затнувся й почервонів.

— Перепрошую, — сказав.

— Гаразд, — сказала Галина Дем'янівна. — Анжелочко, піди, донечко, винеси сміття, бо повне відро. А з тобою, — до Ві, — ми ще поговоримо.

Ві не мав охоти продовжувати невдалу розмову, тож поспіхом підвіся і шез у своєму кабінетові.

Анжела, доки мама не то мила посуд не то раму, вдягнулася і, забувши за відро зі сміттям, вийшла з квартири геть. Повернулася вона ажно наприкінці сеї повісті.

IV

Премивши посуд, — власне кажучи, не весь, бо вода у крані, як те часто, всохла на самому інтересному місці, — Га-

раз, когда видел её в окне уходящего трамвая, мне хотелось увидеть её снова. Мне так не хватает этого обруча в пыльных волосах.

Б р о д я г а. Твоя жена ушла именно поэтому. Был бы там вместе-то барышни — мужик, вот я, например, жена бы дальше терпела. А там ведь девушка... С роскошными волосами.

Л у н а т и к. Теперь всё кажется таким простым и логичным. Я бы в жизни не подумал о грузовике.

Б р о д я г а. Разумеется! Очень может быть, твой сон не отпустил тебя до тех пор, пока ты с этой девушкой не встретишься.

Л у н а т и к. Если бы это было возможным!

Б р о д я г а. Теперь мы знаем о грузовике. Что нам мешает? Во сне всё возможно!

Л у н а т и к (*подозрительно*). Мы всё-таки спим?

Б р о д я г а. Поди, разберись! Нам важно переиграть окончание. Точнее, доиграть его правильно. Предположим, что мы имеем такую возможность. В чем же она заключается?

Л у н а т и к. Мы далеко зашли.

Б р о д я г а (*протягивает бутылку*). А ты сделай глоток, и мы найдем ещё дальше! На остановке два спящих человека. Один бесконечно видит тот же сон, другой... другой имеет запущенный опыт летания во сне и слышит музыку.

Л у н а т и к. Но не играет.

Б р о д я г а. Пока. Однако (*делает глоток*) если ты снишься мне, или я — тебе, если мы во сне, значит...

Л у н а т и к. Ущипнуть тебя за сосок?

Б р о д я г а. Нет. Где, как не во сне есть место маленькому... чуду?

Л у н а т и к. Ты вытатишь из урны кролика?

Б р о д я г а (*глядя на урну*). Разве что жаренного... Доверься человеку, который, кажется, не забыл, как это, летать во сне. Наш план таков: я тебе сыграю!

Л у н а т и к. Не вижу ни одного подходящего инструмента.

Б р о д я г а. Дослушай же! Твой сон, как обычно, превался. Ты опять попытался додумать его, и у тебя опять ничего не вышло. Но ты ведь не проснулся! Зная об этом, я попробую вернуть тебя туда, откуда можно продолжить. Грузовика нет — опасность минавала. Трамвай, пока мы тут болтали, уже слезал свой кружок и вот-вот возвратится. Будь уверен, все трамваи возвращаются. Я сыграю колдбельную.

Л у н а т и к. Издеваешься?

Б р о д я г а. Я дарю тебе шанс. Представляешь, как изменится твоя... и моя... наша жизнь, если работает? У меня сердце из груди выпрыгивает, как только подумано... Вот, поиграй!

Л у н а т и к (*отмахивается*). Ничего не выйдет.

Б р о д я г а. Тогда мы хотя бы поймём, что точно не спим, и все мой идеи — пьяный бред бездомного. Ты ничего не теряешь.

багась и выглядела вполне. Отсюда вопрос: чего боится твоя девушка? Если даже ты в своем сне похож на меня... Я ведь не такой грязный бродяга, чтобы слезы пускать.

Лунатик. Что же она видит?

Бродяга. Ты мне скажи...

Лунатик. Я не помню! Не помню я!

Бродяга. Вот оно! Ты никогда не думал, что существует часть сна, которую ты постоянно забываешь? Забываешь с самого первого раза! Ну, бывает, с бодрна, помнишь, как сели, налили, дамочка приглянулась. А поутру тебе ТАКОЕ говорят! И дамочка эта дилевым глазом на тебя палится. И ничего не вспоминается, как не пытайся.

Лунатик. Забывается та часть, за которую стыднее всего?

Бродяга. Не обязательно стыднее. Со страху тоже забывается.

Лунатик. В моем сне нет ничего страшного.

Бродяга. Не знаю, как тебя, а меня грузовик заставил понервничать. Я весь вспотел!

Лунатик. Это же не во сне грузовик. И я ведь жив.

Бродяга. Моими стараниями. Но если всё так перемешалось, может быть, во сне грузовик тоже есть? Ты его просто не замечаешь, не знаю, не слышишь, например, а он тебя всё-таки давит, и поэтому ты не можешь успеть на твой досчастный трамвай.

Лунатик (*напряженно вспоминает*). Грузовик... Грузовик...

Бродяга. Предлагаю, он есть. И если предположить, что сон, как мелодия, то твой сон — это мелодия превращая. Более того, вместо родного окончания, в ней дописаны чужие ноты. Какофония в итоге.

Лунатик. Какофония?

Бродяга. Ты увлечен девушкой, девушка — неизвестно чем, пока не замечает грузовик. Может быть, она хочет тебе крикнуть: берегись! А вместо этого — слезы. Ты спотыкаешься, падаешь на дорогу и...

Лунатик... и трамвай двенадцать тридцать четыре уезжает.

Бродяга. Не совсем. (*Встает, начиная рассказывать перед сидящим Лунатиком esad-enered*) Тебе бы от грузовика и прогнаться. Но ты так сильно, даже во сне, хочешь успеть на трамвай один, два, три, четыре, чтобы воссоединиться с этой загадочной особой, что не пробуждаешься. Ты насильно оставляешь себя во сне. С такой одержимостью, что даже ходишь иногда по улицам, людей пугаешь. Только всё равно не успеваешь на трамвай. Время-то ушло. (*Торжественно*) Вот он, надуманный тобою же конец! (*Кланяется*.)

Лунатик. Признаюсь, иногда мне кажется, только присутствие девушки во сне не позволяет мне сойти с ума или наложиться на себя руки. Много раз я чувствовал полное своё бессилие. Но каждый

линка Дем'янівна втерла масні руки рушником і постукала до кабінету ВІ.

— Я знаю, — сказала, — що ти не працюєш. Вийди, поговоримо. ВІ, зрозуміле діло, не працював. Лежав на своєму другові-диванові (чи то канапа була?) та дивився у стелю. Однак, розуміючи, що розмови з дороженкою і закононою не уникнути, підвівся і вийшов з бомбоховища, й услід Галі полпентався на кухню.

— Повтори-но, будь ласка, — сказала Галія, Галина Дем'янівна, — що ти там плів про Скалічкіх?

ВІ повторювати не хотів.

— Я так і знала, — сказала Галина Дем'янівна. — Я так і знала. Кажали мені добрі люди, ше коли я за тебе заміж виходила, що твоя наука зведе тебе з розуму. Бачу, ти вже доходиш.

— А ти сама, — раптом зважився одказати їй ВІ, — як думаєш? Скалічкі, Михалко, злітається з Ганкою? Чи ні? Ходить Скалічкі до туалету? Чи ні?

— Та згадай бодай те, чого тебе вчили з логіки, — сказала Галина Дем'янівна. — Візьми, підручника перечитай, якщо ти його читав, звісно: “Усі люди смертні. Сократ — людина. Сократ смертний”.

— Я пробував, — сказав ВІ. — Нічого не виходить.

У нього з голови чогось-от не вишло нічне сновидіння, про яке він волів би забути, а виголос то й поголів не смів згадувати.

— Слухай, — сказала Галина Дем'янівна. — Як ти досі взагалі живеш на світі? З такими питаннями в голові. Чи це і є те найголовніше, над чим ти нині працюєш?

ВІ вдав, що не зрозумів її сарказму.

— А сама, — сказав, — давно перестала бути ідеалісткою?

— Давно, — сказала Галина Дем'янівна. — Відтоді, як збагнула, що “півсють” і “какають” мої шкільні навчигелі. Добре пам'ятаю цей момент. А тобі не довелось пережити у цьому житті нічого. Ти можеш дозволити собі жити у світі лінозій. За мою широкою спиною. До речі, можу тебе познайомити з десятком-другим жінок, які спали з Олександром і які можуть засвідчити, що він, якщо у чому й надзвичайний, то, можеш бути певним, у тому, у чому до кому до нього гай-гай, як далеко.

— Значить, такі правда, — сказав ВІ. — Про баню, чи “Баню”, чи де ти там ше демонструвала свої принидаї?

— Неправда, — сказала Галина Дем'янівна. А що вона могла сказати ше?

— А тобі я порадила б усе-таки звернутися до психіатра, — сказала ше Галина Дем'янівна.

ВІ так і знав, що дороженька так скаже. Вона завше дає йому корисні поради. Він одвернувся од неї і знов усамітнівся в кабінеті зо своїм другом (чи подругою?).

У

Назавтра, себто в понеділок, ВІ мав першу по хворобі лекцію в суднобудівельному інституті. Темою лекції був наш Олександр та якийсь “великий знам”. Лекція, судячи з того, що лектора не освистали, не обрили клеєм та не закидали гнилими помідорами, можна сказати, вдалася. Одне хіба: нешасні студенти, чи, як казав колись Скаліпці Старший, “скубенті”, начитавшись та наслухавшись горбачовської гласности, постійно перебивали лектора усілякими іншими питаннями, що ті, частіше всього, не до місця були, як от: Чи те правда, що Олександр наш — піркий п’яниця? Чи правда, що Олександр вживає тільки “агтеку”? Чи правда, що Ольга наша не написала в житті жодного твору? — і подібними. Цікаві, словом, стали мужики.

Правду кажучи, ця перша лекція вдалася менш, аніж наполовину, бо в перерві між “штундами” ВІ вийшов до вбиральні, послабити тиск у сечовому міхурі, а коли повернувся до аудиторії, авдиторії лишилося хіба третина. Та ще сказати, з туалетної кімнати ВІ виніс не лишень полепшення, а й проблему на свою голову, тож не вельми зважав на некомплект: одгарабанив своєю темою й тимудовольними цікавість тих, у кого вона ще лишалася. Отож у туалетній кімнаті:

Стоячи з розставленими на ширину плечей ногами навпроти плуцара, ВІ почув, як перемовлялися поміж себе двоє чоловіків у кабінка, вочевидь не “скубентів”.

— Ви слухали, — казав один, — Олександр Скаліпці бросілі все дела?

— Нет, — казав другий, — не слухал. І где же он теперь?

— Гаварят, — казав перший, — в швейцарском банке у невоучьот. І домік в Альпах. Коттедж.

— Мне би ево проблеми, — казав другий.

— А ечьо гаварят, — казав перший, і чутно було, як він рве та розминає туалетну газетину, — что увозят в Швейцарию какую-то девчонку, то лі студентку, то лі вообше школьницю.

— Это я слухал, — казав другий. — Кажета, Сікорская ейо фамилия.

— Ну, це вже з брехні брехня, — казав ВІ вголос. Він застібнув матню і вийшов. Але руки йому дрібно тремтіли.

Дотарабанивши своєю темою, ВІ подвонив у педінститут, де також мусив бути того дня, сказав, що не вельми ще важно почувався, і пішов додому.

Вірніше, до проспекту відомого імені, що той колись прозивався просто вулицею Херсонською ВІ доїхав, ледь не задихнувшись у третьому троллейбусі од суміші випарів якоїсь старої алкологічки, немитих тіл пари бомжів та горлої касторової олії. На “П’яти У-

Лунатик (*потрясает пакетом перед лицом Бродяги*). Один и тот же пакет. Каждый раз. А поскольку даже я не знаю, когда со мной случится это моё хождение, случайность превращается в закономерность.

Бродяга. Я тут при чем? Пакет — он в жизни.

Лунатик *снимает пакет и, резко отшвырнув его в сторону, набрасывается на Бродягу, хватая его за шиворот. Бродяга ныряется освободиться, но одна его рука занята бутылкой, и выронит её он не смеет.*

Лунатик. Что ты здесь делаешь? Что ты здесь делаешь?!

Бродяга. Какой же это сон, если больно, как в жизни?

Лунатик. Если ты мне снишься, то почему раньше я тебя не видел?

Бродяга (*завдыхаясь*). Ты не заметил, что урна переворачивается. С какой стати тебе замечать бродягу, даже если это сон?

Лунатик. Так ты мне снишься? Отвечай!

Бродяга. Откуда я знаю? Задумиши!

Лунатик *отпускает Бродягу и поворачивается к нему спиной. Бродяга проклинается, помирая шено, прикладывается к бутылке и садится на скамейку.*

Бродяга. Я его из-под грузовика вытащил, а он... Такая твоя благодарность.

Лунатик (*не поворачиваясь*). Прости, я на грани.

Бродяга. По-хорошему — мне бы тебя послать.

Лунатик. Посылай.

Бродяга. Так если бы не грузовик, обязательно бы послал. Не сомневайся.

Лунатик. Только куда?

Бродяга. Есть у меня одна идея.

Лунатик *начинает неромко смеяться. Наконец поворачивается к Бродяге.*

Лунатик (*виновато*). Как я тебе голову растряс!

Бродяга (*жестом приглашает Лунатика садиться*). Я только сейчас понял, есть в твоём сне и моём... моём сегодняшнем вечере одно ма-агаенькое несоответствие.

Лунатик. Ты что-то говорил про обрuch.

Бродяга. Обрuch — само собой. Это — другое. В твоём сне девушка зареванная, напуганная, может и нездорова даже. Но когда я свалился на дорогу, будь она неладна, девушка, наоборот, улы-

Лунатик (*внимательно всматриваясь в Бродягу*). Я тебя вижу впервые. Кажется.

Бродяга. И я тебя. Кажется. (*Настороженно щипает себя за ляжку. Потом сильно щипает Лунатика.*)

Лунатик (*подскакивает*). Ай, ты что!

Бродяга. Если ушпнуть побольнее — человек проснется.

Лунатик. Вероятно.

Бродяга (*щипает себя за ногу*). Значит, я не сплю. Ты спал, но я тебя разбудил. Мы не спим. И чёрт с ним, с этим сном!

Лунатик. Но почему мне постоянно снится именно твой вечер? И почему ты оказалась здесь именно сегодня?

Бродяга. Слушай, умник, шёл бы ты... спать! Я за последний год меньше слов сказал, чем сейчас здесь.

Лунатик. Кто же из нас спит?

Бродяга (*нервно*). Значит так, скорее всего, я успел на трамвай. Устроился поудобнее, прислонился к стеклу и захрапел. И храплю там до сих пор! Ты мне снишься, лунатик, а не наоборот.

Лунатик. Не боисься нужную остановку проехать?

Бродяга. Остановку я не проеду, потому что она — конечная.

(*Обрадованный, делает глоток из бутылки.*)

Лунатик. А если мы оба спим?

Бродяга. Давай ещё раз тебя ушпну, чтобы наверняка. (*Протягивает руку.*) За сосок.

Лунатик. Не дам я тебе свой сосок!

Бродяга. Тогда ты меня. (*Принимается задирать на себе одежду*.) Так больнее. Нет, лучше через одежду. (*Лунатик неожиданно щипает Бродягу.*) Чёрт! Ты мне его оторвал! Теперь точно не сплю. (*Потирая грудь, озирется по сторонам.*) Не сплю, да?

Лунатик. Как знать?

Остатие бутылку на скамейке, Бродяга хлещет себя по щекам, повторяя: «Я не сплю! Я не сплю». Потом начинает приседать, повторяя на вдохе, приседая «Не», а на выдохе, выпрямляясь «Сило». Тем временем Лунатик идёт за пакетом из-под сока и возвращается с ним в руках.

Лунатик. Он?

Бродяга (*завыхавшись*). В нём ещё... трубочка... была...

Лунатик. Ты бросил его, а я его пнул. (*Бродяга утверждаетливо кивает. Оба стоят.*) Когда мне было интересно, жена водела меня. И знаешь что? Каждый раз, когда это случается со мной, на пути всегда оказывается пустой пакет из-под сока. Жена и его показывала — точно такой.

Бродяга. Мало ли кого жажда замучила (*Верёт бутылку и собирется сесть, но Лунатик останавливает его.*)

лах” він висів та пересидів трохи свої ядухи, потім виблювався, знов посидів, та ажно тоді, похитуючись, наче п’яний, побрів у напрямі домівки. Тут би йому і втрапити до рук ретельних виконавців горбачовського Указу. Обійшлося, проте. А більше того дня з Ві не сталося нічого, що могло б нас зацікавити.

(*Дани буде*)

Поетичні тексти малих епічних форм

Заводюка

РАНЫБАВУ

...
— Или поубиваю, или в порошок сотру! Какую б такую, соответствующую, кару придумать?.. Ты там, ранняя пташка, слезь с провода, зараза! Это ошибка в объявлении! Никакого земельного участка я не продаю! Понимаю умом, что, может, он и ни при чём, но поймай ты, тех, кто напутал с номерами — и живьём гадов!.. А ещё лучше ту, тех, кто напутал с номерами: и спать не даёте и, почти наверняка, не чисты ваши руки! С такими-то, явно не последними, тыщами в карманах... Не поэтому? Тогда, конечно, слушаю вас и даже прошу извинить, что, неверное, слишком агрессивно. А точно ко мне?.. Ну, абсолютно правильно не «змей», а Змий, но действительно: он — это я. И с кем это именно счастье?.. Да ты что!? Богатырь? Настоящий? И чему ж обязан?.. Нет, не говори не слова — я сам догадаться — «смертный бой»?.. Никакой я не провидц. Опыт... Полагаете мне поднимет настроение и спирт с грустной близкой перспективной встречи с вечностью, что личной неприязни вы ко мне не имеете, а поводом к нашему знакомству, нашей встрече, является сам факт моего существования и ваша традиция? Увы мне бедному, увы, один путь, значит, назначен — в трофеи. Шкуру — на чуцело, зубы — на сувениры прекрасным дамам (то-то дуры обрадовались бы!), потроха — на лекарства, а прочее — в улобрения. Так?..

— А раз так и раз уж мне всё равно... то могу ли я заинтересоваться вашими уважаемыми параметрами, чтоб, если что не понравится или смутит, то, скажем, ударить?.. Имею я в виду, прежде всего и, собственно, единственное, ваш живой вес... Нет, можно считать вместе с конём, только без сбруи и прочего коллошего и режущего... Ого! Вот это экземпляр!.. Ничего, что вместе с обувью. Не вычитайте, не мучайтесь, я сам отниму, что не годится в... Позвольте ещё уточнение: надеюсь вы не толстяк, а то мне жирного уже... Оглично, просто оглично! Люблю атлетов. Слабость! Так что, пожалуй, я, наверно, решусь... и это можно... Это можно будет устроить, скажем, в пятницу. Давай?.. Послушайте, вы же, вроде, интеллигентный человек, так перестаньте распалать себя эпитетами! И вообще, попробуйте войти и в моё поло-

Лунатик. Жена сторала от любвиства.
Бродяга. И ты расказал?
Лунатик. И она ушла от меня.
Бродяга. Что ж тебе снится?
Лунатик (*делает быстрый слоток из бутылки*). Каждую ночь мне снится вот эта дорога. Я бегу вдоль неё — пытаюсь успеть на трамвай. Я кричу водителю: «Эй! Подожди! Ну, будь человеком! Меня подожди!» Я спотыкаюсь и падаю ничком. В это время слышу — двери закрываются. Всё, что я успеваю увидеть — девушку у заднего стекла. Я вижу её роскошные волосы, схваченные обручем, и вижу её напуганное, заплаканное лицо. Как будто она не хочет уезжать! Но трамвай под номером двенадцать тридцать четыре всё дальше и дальше.

Бродяга *снимает кепку — прикрывает раскрытый от удивления рот.*

Бродяга (*шепотом*). Дорога, трамвай, девушка, «Меня подожди». Ничего не путаешь?

Лунатик. Только не в этом сне!
Бродяга. А обрuch... Он жёлтый?

Лунатик. Не успеваю рассмотреть...

Бродяга. Чёрт возьми! Ты, наверно, мне снишься лунатик!
(*Надевает кепку обратно.*)

Лунатик (*осматривая себя*). Я не чувствую себя спящим.

Бродяга. И я, в общем-то, полон сил. Да иначе и быть не может. Тем более — обрuch! Твой сон — это, представь себе, то, что произошло со мной здесь, до того, как я тебя встретил! Неужели, я мог заснуть? (Лунатик *подозрительно смотрит на бутылку*.) Да не пил я почти! Всё выветрилось, ещё когда тебя из-под грузовика ташил.

Лунатик. Или не выветрилось?

Бродяга. Я под столами давно не сплю. Чего смеёшься?

Лунатик. Здорово было бы пойти сейчас по дороге и под каким-нибудь столбом найти тебя спящего. Представляю твоё лицо! Бродяга. Нет, точно не под столбом. Только не сегодня. Я же говорил — спешу! Я сегодня, как яйцо Кашеево, с дракопённой иглойкой внутри. Пока не попаду в нужные руки — никаких столбов.

Лунатик. Если на то пошло, почему именно я тебе сняюсь? Может — это ты мне снишься.

Бродяга (*озабоченно смотрит*). Странно, конечно, что с тобой во сне происходит то же, что произошло со мной некоторое время назад. Но если бы там, во сне, был я... рядом или ещё где, значит, ты узнал бы меня здесь, сейчас.

Бродяга. Ну, почему совсем? Помню, я даже летал во сне. Было чертовски здорово! Только, когда это было? Будто что-то сломалось во мне с тех пор, как иррать перестал.

Лунатик. Во что?

Бродяга. Не «во что», а «на чём». Я музыкант. Да, представь себе! Видишь между фонарями семь проводов? И вон, птица на одном сидит. Голубь, кажется. Это «фа». Если прилетит ещё па-рочка, получите какая-нибудь глупая мелодия.

Лунатик. Почему же ты бросил музыку?

Бродяга. Она что, кирпич, чтобы её бросить?! Если она есть в тебе, от неё куда не деться. Нельзя просто взять и перестать слышать её, бросить, как ты говоришь. Я перестал играть...

Лунатик. Почему?

Бродяга. Одному человеку перестала быть нужной моя музыка.

Лунатик. Всего одному.

Бродяга. Тому, для которого ты играешь, даже когда перед тобой целый зал. Но сегодня, представь себе, случилось что-то странное. Сегодня мне впервые захотелось сыграть. Я буквально почувствовал голод в кончиках пальцев. Что-то как бы вновь распустилось у меня в груди, и я подумал, может тот человек из прошлой жизни именно сегодня захочет меня увидеть? Нет, даже не подумал — я точно знал, именно сегодня — вечер, когда меня закрыл у меня перед носом дверей! (*Расстёгивает пиджак, достаёт из кармана палочку сигарет, но сигарет не хватает, достаёт пачку сигарет, достает пачку сигарет, достаёт пачку сигарет, достаёт пачку сигарет.*) Сто лет не покупал цветов. Думал сначала — на кладбище подобрать. Но потом решил, что ради такого случая... А трамвай ушёл. (*Ставит сломанную гитару в урну, как в вазу, делает несколько больших глотков.*) Пешком мне добираться — только к рассвету поспею. Пришлось бы будить. Разве так можно? Мой трамвай ушёл, и слезу, я чувствую, уже не будет. А ты можешь хотя бы попробовать подождать свой трамвай завтра. Вдруг придет такой же, как тебе снится, и ты найдешь для себя ответ, почему ты так на него торопишься.

Лунатик. Я пробовал. Бесполезно. В этот час здесь никогда не бывает трамвая.

Бродяга. Как же так, если я бежал за ним и упал на дорогу ещё. (*Потирает ушибленную грудь.*) До сих пор болит...

Лунатик. Наверное, дело в сне. С тех пор, как я перебрался в теперешнюю мою квартиру, каждую ночь я вижу один и тот же сон. Независимо от того, лежу я в кровати или иду, как сегодня. Я никак не могу от него избавиться — он сводит меня с ума! Бродяга. Ты кому-нибудь рассказывал его?

жение: сам кричит, что он погибел мой, пришёл, да ещё и торопит с этим делом! А может, я испугался и мне нужно восстановит психическое равновесие? А может, мне надо подготовиться к неизбежному? Завешание, последнюю волю. А может, у меня свидание? Да могут же быть у меня, в конце концов, и свои планы?! И что за срочность такая горит у тебя в заднице, или где она там у тебя? Другой бы радовался, что ещё пару лишних денюгов... Не понимаю, почему тебя удивляет, что есть у меня и семья, и дела семейные, и, кроме хобби, масса определённых обязанностей? Вот, именно сегодня я обещал соседу вытащить его «Кировец» из болота. А его ещё нужно будет найти по колее, да нырять за ним, наверное, да, чувствую, если не заведётся, то придётся и тащить на себе! А жене обещал (хорошо, кстати, что сам вспомнил!) на базар с ней слетать. И я ж должен и всех своих созвать, предупредить. И вообще подготовиться, спиртное подкупить, специи всякие. Ты ж на самом деле никакой не деликатес и подлинной, собственной особенной пикантности вкуса не имеешь. Только и того, что событие не рядовое. В смысле — не каждый день... И ни гоняться, ни выслеживать... Сам! Так что и не проси: раньше никак не получится... Ах нет — так катись-ка ты, парень, пока цел, и спасибо скажи, если в городе случайно не встречу и не пришибу безо всяких рыцарских предрасудков, реверансов, расшаркиваний и полчения перчатками по морде! Ну, вот и хорошо, вот и ладненько. Вот ты и внятно, по-человечески заговори. Ты где остановился? Ага... ага... Знаю это место. Поддержался, видно, ты в пути. Может, кстати, тебе денег? Да не по-дружески, не по-дружески, не беспокоюсь... Да какое коварство?! Откуда ему у меня?.. Просто хочу, чтоб... э... приезжий нормально питался... И никто, кстати, не мешает трактовать мой этот жест проявлением пресловутого элементарного гостеприимства...

— Ещё вопрос: как ты меня нашёл и кто дал номер телефона?.. А горазд ты врать, витязь! Или совсем уж меня считаешь проходным идиотом? Стыдно! Ну в какой же справочной службе могут знать мой «мобильник»?.. «Шерше ля» кто?.. Да я ж, твоими милостями, практически одной ногой в могиле. Не жилец, считай. А он, как ма-ленький: «Обещал не говорить!», «Слово давал!»... Честно! Ни-ко-му! Ни-ко-гда! Обещано! Унесу тайну туда с собой... А какая именно Василиса?.. Баба, как баба? Ну, брат, если ты не видишь разницы между Премудрой и Прекрасной... Не-а. Просто интересно. Если от Премудрой, то, значит, вроде как — мне гостиница. А если от Прекрасной... то, может, ты тоже гостиница, а может значить и, что сердится она до сих пор... Как они там? За мужами? Дети, внуки?.. В такую даль заперся, а ничего не помнишь? Какой-то ты равнодушный, невнимательный. Впрочем, спасибо тебе за весточку. Сколько ж это лет прошло! Вот соберусь и съезжу... Только, что скажу?..

— Дено ваше и ваше право, любезный сэр, не спорю, но доспехи, повёрт, только мешают. И на зубках скрипят, и не промоешь, и толком не просолишь и не проперчишь...

— Не понял — что значит «одним голосом»?.. Теперь понял. Да, история не врёт (на этот раз), было ещё четыре... Осталась вот эта — одна. Не престижно, говоришь? Ну так не переживай: спещиально для почётности, формально, по документам, во всех учёных ведомостях я записан и числюсь пятиголовым... Хорошо, я пришло тебе копии...

— Да что расказывать! Одна была слишком честная, другая слишком добрая, третья слишком умная. Четвёртая, наоборот — дура полная. Может, даже абсолютная. Правда, безобидная. Только целыми днями плевалась огнём просто так куда попало... Первой мы лишились именно её. В ситуации, как и полагается, невинной, житейской. То ли подавилась она, багуясь, то ли поперхнулась... Или чихнула как раз в момент колда... и пламя у неё не туда пошло, не огнеупорным... Мы и оглянуться не успели, как остылась от неё одна головешка. Честно сказать, оставшись от потери только покой обрели. Красота, оказалось: ни тебе пожаров среди ночи с сиренами и полной постели пены, ни суеты и актов МЧСников, ни тебе случайных ожогов на обшей шкуре, ни тебе демаскировки засад клубами дыма. Очень любила дура, царствие её... цветные дымы колцами пускать... Постоянно тренировалась...

— Потом умная — откусила честную. Та вот такому, как ты, искателю приключений на чужую... собралась было ответить, где у нас самое слабое место и как безопасно к нему подобраться. Добрую — тоже она. Добрая хотела всех осчастливить, в охотах и сражениях не участвовала, постоянно подбивала нас принести куда-нибудь какую-нибудь пользу. Уговаривала, сил и тогда уже было немеряно, принять участие то в посевной, то в ирригации. Чуть не слезами умолялась, рассуждая о высоком назначении почтовых голубков. Типа — мне б так! Парить, нести радость!.. Терпение, правду сказать, и у меня... когда она, не спросясь, не согласовав, пастись стала. Позорище!..

— А умную... На мне грех! Моя-то, вот эта, уплывшая, тоже и, вроде, неплохо, сообразала и тогда, но превосходство её интеллекта признавала, было оно... Вот только... когда тебя постоянно держат за идиотку, за идиота, пренебрегают, едва удостаивают или не снискождят!.. Это, сначала, просто здорово раздражало, потом здорово злило, а потом... Подучилось — на брата пасть свою поганую открыл! Гад... Гад то гад, но... Вот, вроде, и мотивы мои, в этом деле, мне понятны, и сделал я то, что никак нельзя было не сделать... А чувствую себя... всё равно... мерзко. Какое-то «это» у меня, видимо, неправильное...

Луна тик. Когда открываешь глаза и видишь одно и тоже. Тебе хочется упасть на землю и рвать на себе волосы, потому что ты не можешь ничего изменить.

Бродяга (*глядя на бутылку*). Когда ко мне приходят такие мысли — я пьян. А поскольку они приходят каждое утро, как только я открываю глаза... (*Делает глоток*.)

Луна тик (*убирает ладони с глаз*). Иногда я хожу во сне.

Бродяга. Я заметил.

Луна тик. Это происходит в одно и то же время — в полпервого ночи. В 12.34, если быть точным.

Бродяга. Что, кажую ночь?

Луна тик. Непредсказуемо. Прошлый раз ходил две недели назад... И вот сегодня. Но всегда одно и то же: спящий, я встаю с кровати, надеваю комнатные тапочки и выхожу в коридор. В коридоре спотыкаюсь об туфли, но не падаю. Наоборот, открываю дверь и выхожу в подъезд. Как-то я попытался спрятать от себя ключи, но даже во сне нашёл тайник в правой туфле и открыл дверь.

Бродяга. И не просыпаешься?

Луна тик (*мотает головой*). Спускаюсь вниз по лестнице. На двенадцатой ступеньке чуть не теряю первый тапочек, а на тридцать четвёртой — теряю и дальше иду в одном.

Бродяга. Ты и считаешь во сне?

Луна тик. Иногда за мной ходила жена. Рассказывала потом всё подробно, как во дворе я иду напрямик, через детскую площадку, мимо трансформаторной будки. Как от меня, поджав хвосты, разбегаются собаки. Как обгирало плечом угол дома, когда выворачиваю на улицу. А на пути к остановке пинаю пакет из-под сока...

Бродяга. Пакет?

Луна тик. Да, он всё время мне падается. Вон там, сзади.

Бродяга. Значит, пакет... А дальше — бросаешься под грузовики.

Луна тик. Нет, первый раз такое! До сих пор мне везло, если это можно назвать везением.

Бродяга (*хлопает* Луна тик а *по плечу*). По-моему, тебе давно пора сменить жильё и проветрить голову!

Луна тик. Я пытался. Только я нигде не могу заснуть, кроме как в моей квартире. Как-то неделю не спал. К друзьям напросился. Ты даже не представляешь, что такое неделя без сна. В панике, хочется выколоть себе глаза.

Бродяга. А я крепко сплю. И ничего не вижу. Ничего не происходит, кроме нового дня, конечно. Но я бы тебе соврал, если бы сказал, что новый день меня радует.

Луна тик. Теперь мне кажется, совсем не видеть снов — это недостаточное мне счастье.

Бродяга. Вот бы меня так накрыло. Тише... Тише, людей разбудить, и они нам всё испортят.

Лунатик (*схватив смех, тыча ладтем в урну*). Скажи мне, как она могла загореться?

Бродяга (*с улыдкой*). Всё ты! Вышел здесь из темноты весь такой полусторонний, в белом... У меня от страха сигарета изо рта и выпала. (*Указывает на урну*) Прямо туда. Пока тапочек у тебя на ноге не заметил — думал, хана, пришли за мной.

Хохот Лунатика *переходит в усталый смех*. Бродяга и Лунатик *смеются вместе, будто старые друзья*.

Лунатик. А что, в тапочках не могли прийти?

Бродяга. Нет, в одном точно не могли... Я с прошлого раза помню.

Лунатик. Там, кажется, ещё дымит...

Бродяга. Ничего, подымит чуть-чуть и перестанет. В крайнем случае, вывернем её, и затопчем.

Лунатик (*вытирая слёзы*). Она выворачивается?

Бродяга. Ты что, урны не видел? (*Демонстративно рассказывает ногой урну*.)

Лунатик. В суматохе не подумал.

Бродяга. Конечно, урны мало кого интересуют.

Лунатик. Если всё так просто, зачем ты туда?...

Бродяга. Невмоту стало. Вот и совместил приятное с полезным. Правда, не всегда везёт. Прошлой весной ночевал в подвале. Не хватало... Еле из огня выскочил!

Продолжая пошевеливаться, оба садятся на скамейку. Бродяга *делает глоток из бутылки и предагает* Лунатика.

Лунатик. Нет, от неё во рту всё горит.

Бродяга. Во рту ты уж как-нибудь сам потуши.

Лунатик *надевает тапочек*. *Некоторое время рассматривает его*. *Настроение* Лунатика *резко меняется: он мрачнеет*.

Лунатик (*шепотом*). Как-нибудь сам.

Бродяга. А ты ртом дыши, по-собачьи. (*Показывает*.) Сразу полгечает!

Лунатик. Полгечает... Я, наверное, пойду. (*Но Лунатика как будто приковало к скамейке*. Лунатик *закрывает глаза ладонями и упирается локтями в колени*.) Ты когда-нибудь уставал просыпаться?

Бродяга. Как это?

— Осуждаешь? Нехорошо в чужом монастыре, в семействе воздушно-земно-водных? То-то у вас, у ипотов, конечно, всё правильно и справедливо! А вот у нас, убогих, земно-водно-воздушных, всё как-то без эвфемизмов ваших. Никаких красивых шкурузаменителей: «финансист», «рэкетир», «дипломат». Всё по-старинке, по-пряделовски — раз написано на морде «мерзавец», то никакой ни Версаче, ни Мерседес не помогут это не простить... И никакая это не ирония, а чистый сарказм... И не любви, никто не любит...

— Статьи, такая ещё деталь: я как принимающая сторона вправде, вроде, выбрать, чем дубаситься будем?.. Ну хорошо, хорошо, устарели мои представления о честном бое, так устарели. Но узнать, что у тебя там, в лицензии (я потом разберусь со сволочью, что её выдала) об оружии сказано, я могу?.. Любопытно, понимаешь ли, что ты, добрый молодец, для меня припас? Меч-кладенец? Арбалет-скорострел?.. Ого! И ты серьёзно считаешь это спортивно — на безоружный реликт с гранатомётом?.. Надо ж, как я отстал от жизни! Нет, не против, если не врёшь, что осколочные. Наделюсь — переживу. Придётся, конечно потратиться на йод, переживи. Ну, да ничего... То, что я, сравнительно с тобой... Так не сравнивай! Шёл бы себе своей... а... обед, раз сам давал, сам бы и взял обратно. Такое дело.

— И я... В отпущении твоего намерения «извести», со своей стороны, я теперь тоже полностью... Да. Полагаю, мы друг друга узнаем... И тебе «Доброго утра»...

Евгеній Уманов (Умка)

2 PUNK-STORIES

1. Про Француза и Подругу

— Я еще покурю? — спросил Дохлый, открывая окно.

— Давай.

— А ты помнишь Француза? — Дохлый зажжет сигарету и выдохнул дым. Мы сидели на кухне, пили чай. Наши жены о чем-то смеялись в комнате.

— Француз? — переспросил я.

Конечно, я помнил маленького, шушлого панка лет восемнадцати, не имеющего к Франции никакого отношения, с грязными волосами и в заношенном балахоне, со странной любовью загадывать детские загадки и, пожалуи, жутко одинокого, если бы не Подруга. Так он звал крысу, которая жила у него за пазухой, бегала под серо-черной тельняшкой, иногда с ужасным любопытством вылезала из-за воротника, шевелила усами и как-то очень по-умному жмурилась на свету. Если Подруга обнаруживала рядышком со ртом своего хозяина съестное, она резким движением хватала хавчик и утигивала под тельняшку. Именно таким макаром Француз лишился половинны сосиски, когда ужинал у меня год назад. То был последний раз, когда я его видел. Он вместе с Дохлым и Янкой (женой Дохлого) вписался у нас на день, двингаясь автостопом из Одессы в Киев. Что Француз, что Дохлый тогда еще сильно возмущались, какие в Одессе ужасные панки — они много пьют и плохо знают песни Летова. На что я отвечал, что панки в Одессе разные, есть и хорошие. Я ставил чайник, они курили в окно, так же напряженно наблюдая за огоньками сигарет, как сейчас уже один Дохлый.

— А почему вы без него? — спросил я.

— Да хрен случилось с ним, — Дохлый почесал себе переносицу и шмыгнул носом, как бы проверяя его на целостность. — У него ведь Подруга была. Мы все где-то далеко для него ведь, а Подруга, — Дохлый хмыкнул и совсем не весело улыбулся, — Подруга за пазухой. Шел как всегда с ней, напевал под нос «Все государства — концлагеря» и попал под какой-то митинг, то ли оранжевых, то ли синих, хрен их знает. И шел он аккурат на

Бродяга (пытается поставить Лунатика на ноги). Ну, что это ты? Как будто грузовик на тебя наехал. И причём здесь это твоё «Опять»? Впервые вижу! Или встречались? Дай-ка на тебя глянуть. Нет, в слезах точно не узнаю. Идем на скамейку. У меня там типа аптечка...

Выпешись в Бродягу, Лунатик поднимается. Вытирая слезы, идёт, сопровождаемый Бродягой, к скамейке и садится. Бродяга — рядом. Бутылка оказывается между ними. Бродяга отхлебывает первым. Протягивает бутылку Лунатику, но тот отказывается.

Бродяга (настойчиво). Пей. (Лунатик неуверенно берёт бутылку). Ну! (Лунатик делает большой глоток и тут же выливает всё на поджак Бродяге. Бродяга рассерженно забирает бутылку.) Что ж ты делаешь, изверг! (Свободной рукой Бродяга быстро вытирает поджак, а потом облизывает руку).

Лунатик. Гадость какая! Что это за пойло?

Бродяга (сердито). Зато бутылка красивая.

Лунатик. Во рту всё горит!

Урна вдруг вспыхивает огнём. Бродяга и Лунатик вскакивают. Бродяга бросается тушить «ножкар»: он пытается замотать огня ногой, но туфля не пролезает в урну. Тогда Бродяга рассгивает ширинку.

Бродяга (Лунатику). Поможешь, пока никто не заметил?

Лунатик смотрит на свои босые ноги и спешит к дорожке, за потеряннм танком. Облегченно вздыхая, Бродяга мочится на огонь в урне. Подоспевает Лунатик с таночком в руке. Не разравшись в ситуации, начинает дунить по огню таночком.

Бродяга (увертываясь от ударов). Эй, ты чего? Я и так бездомный. Хочешь у меня последнее отобрать? Ай! Перестань! Перестань, говорю! (До Лунатика доходит, и он прекращает. Бродяга застгивает ширинку.) Кажется, погасло.

Бродяга смотрит на Лунатика, который замер, прижав к груди таночек. Лунатик смотрит то на Бродягу, то на дымящуюся урну. Лунатик разражается смехом, переходящим в истерику. Он безудержно хохочет, прыгает, шлгивает себя таночком то по ноге, то по голове.

тавіе бутылку на скамейку, рукавом піджака витираєт тудино, лляе на неї і снова трет.

Замітив на асфальте недокуренну сигарету, оживляється, поднімаєт сигарету. Брезгливо витираєт фільтр об рукав піджака, обдуваєт фільтр, но в рот не берєт. Порвишись в урне, Бродяга находит большой пакет с трубочкой, из-под сока. Пакет, не глядя, бросает через плечо, а в трубочку естивает сигарету, подучиве мундштук.

Наслаждаєтє закуреной сигаретой, Бродяга не замечает, как сзади к скамейке приближается Лунатик. Взворошенный, в бегой, поносатой пажке и одним компантом тапочке, он ибїт к скамейке с закрытыми глазами. Когда Лунатик целяет коробку из-под сока, Бродяга испуганно оборачиваетєя.

Вскочив со скамейки, Бродяга приседаєт от страха и прячетєя за урной. Сигарета вываливается в урну. Бродяга смотрит то на оставленную на скамейке бутылку, то на человека в белом.

Слышится отдаленный гул автомобильного мотора.

Бродяга (*трет глаза, хлещет себе по щекам*). Все! Чтоб мне провалиться, бросая! Бросая! Бросая!

Тем временем Лунатик, пройдя мимо скамейки, направляется к дороге. Бродяга замечает на ноге у Лунатика тапочек.

Бродяга (*осторожно*). Эй... Человек? В смысле, эй! Там грузынк!

Но Лунатик ступает на дорогу, оказываясь в свете фар. Чертыхась, Бродяга догоняет Лунатика. Когда водитель уже сигналил, Бродяга хватает Лунатика за плечи и успеваєт втянуть его обратно на тротуар.

Голос водителя. Идноты!

Бродяга роняет Лунатика на асфальт, чтобы показать водителю согнутую в локте руку («Пошёл ты!»). В ответ слышится визг тормозов. Бродяга бросается наутёк, но машина уезжает, и Бродяга возвращается к Лунатику. Тот уже открыв глаза и, приподнявшись, осматривается по сторонам.

Бродяга. Живой!

Лунатик. Трамвайная остановка...

Бродяга. ...и мы с тобой.

Лунатик. Опять... (*В отчаяние*.) Опять... (*Начинает рыдать*.) Опять!

встречу какой-то там шипке. Охране это, ясное дело, не понравилє: гребєнь, косуха — и хрупкий ведь он, каждый обидеть сможєт. В анархию верил, в свободу личности, — Дохлый глубоко вздохнул. — Плесни мне еще кипяточку, — он протянул чашку.

— И что? — спросил я, наливая в треснувшую чашку кипятку. — По голове он получил, крепко, сознание даже потерял, упал, голову ударил. И Подругу собой придавил. Померла Подруга. Сам уже два месяца заикаєтєя, по ночам во сне кричит. И про мєсть говорит. Француз? Эгот «ребєнок цветов»? Про мєсть.

— Кому мєсть?

— А черт его знает, то ли мєнтам, то ли полпиткам, то ли всему человечеству. Нєлюдим стал. А неделю назад исчез. Написал записку, мол, я пойду другим путем, и ушел.

— Плохо, — сказал я, — совсем плохо.

— Угу, — согласился Дохлый. — Я еще покурю.

— И что дальше?

— Дальше? — Дохлый затянулся дымом новой сигареты. — Дальше будет хуже. Мы его сейчас ищем, конечно, вот в Одессе были. У вас пробрили по общим знакомым. Пока — тихо. Дальше в Крым. А что я ему скажу, когда найду? Не грусти, купим тебе новую крысу, — у Дохлого тряслись руки и дергалась нижняя губа, — и все мы будем счастливы, и ты, и я, и Янка, и тот парень без ног, что просил милостыню рядом с нами, когда мы пели песню Кинчева «Мы вместе»? Вместе? Мы вместе в полной жопе! Единственное, что оставалось, это вера, во что-то непонятное но точно светлое, не в Джа, который нас не оставит, но в то, что стоит воевать, пусть даже война проиграна еще нашими отцами! А теперь... — Дохлый выкинул сигарету в окно. — А теперь все то же самое, только без Подруги. Или... — он хмыкнул и посмотрел в серое небо в окне. — Ни черта не изменилось!

2. ...и собаку Заратустру

Полвосьмого вечера. 12 ноября. Темно и лвет дождь. Такой мелкий и особо противный. Мне, да и Ване холодно, мокро и почему-то немного весело. Мы идем по кладбищу, несем гроб. Несем уже минут двадцать между могилами, шлепая бердами по размокшей глине и проклиная водителя гробовозки. Жирного козла, который побоялся застрять и не повез нас дальше основной дороги на новый сектор. Именно там Ваня заказал могилу для своего самого близкого из остававшихся родственников — бабушки. Вана — спереди, держа гроб с бабушкой на горбу, я — сзади, и по-

этому мне легче. Вроде как легче. Сверкнула молния. Большая, яркая, светло-голубая.

— ...яды — услышал я после раската грома. Ваня попытался поудобней устроить гроб на гору. Подкинул его на пяток сантиметров, потерял равновесие и завалился на левую ногу. Его край гроба выскользнула из рук и мягко шлепнулся рядом с ним. Свой край я тоже поставил. Ваня тер ногу и злбно постанывал.

— Может тут оставим? — предложил я. — Завтра дохороним. Еще хрен могилу найдем. А кто ее возьмет? Не украдут, в конце концов.

— В конце концов, — пробурчал Ваня, — в конце концов — это моя бабушка!

— Ну? И кому нужна ТВОЯ бабушка? — из внутреннего кармана куртки я вытащил початую бутылку водки и сдвинул пару глотков. Голова ясная, хоть диф. уравнения решай. Снова молния, меньше чем первая, видимо дальше.

— Пришел бы в обед... — раздался гром, — ...был бы. — Закончил не совсем понятную мне мысль Ваня.

— Не мог я с работы раньше уйти, — уже раз пятый за вечер повторил я.

— Ладно, — Ваня, пошатываясь, встал и наклонился к гробу, — хватай, работничек.

— Знаешь, древний типо-бог Заратуштра запрещает аналный секс, — я подлил гроб и решил рассказать то, что прочел сегодня про древнего бога.

— И пидорасам? — заинтересовано спросил покачивающийся Ваня.

— Ну да, наверно, про это я не читал, но, пожалуй, так и было. — Странно, — у Вани ползла на глине левая нога, и он стал похожим на балерину из «танца маленьких лебедей», — а еще что этот типо-бог запрещает?

— Еще говорит что тело человека после смерти, это просто кусок мяса, и его надо оставить в пустыне на съедение зверям и птицам. За нами увязалась собака. Большая, желтая и пушистая. Видимо кладбищенская, то есть которая питается с кладбища. Собака гордо выпатывала слева от меня и смотрела строго вперед.

— Вань, у нас новый друг.

— А?

— Оборотень говорю за тобой. Ваня остановился и поглядел на собаку. Собака тоже остановилась и посмотрела на Ваню.

— Придушно мы наверно в ее глазах смотримся, — Ваня снова закинул поудобней ношу. — О! Давай назовем ее Заратуштра!

— Ваше это вроде мужское имя, — мы снова двинулись вдоль могил.

ДРАМАТИЧНІ ТВОРИ

Евгений Цымбалюк

ОБРАЩАТЬСЯ К ВОДИТЕЛЮ

Ночь, в небе молодой месяц, автомобильная дорога, отделяющая трамвайные пути от тротуара, пуста. В поле нашего зрения появляется пьяный Бродяга с литровой бутылкой вытетки в руке. На нём мешковатые джинсы, тесный пиджак, заспёнутый на все три пуговицы, мятая кепка-бейсболка, перчатки с обрезанными пальцами. Он быстро идёт, почти бежит.

Бродяга (комур-то вперед). Эй! Подожди! Ну, будь человеком! Меня подожди!!

Вдруг кепку с него сдувает ветром. Бродяга оглядывается, норовяется вернуться, но, в сердцах махнув рукой, продолжает бегать. Однако ноги его затрятаются, он падает на дорогу.

Женский голос. Осторожно, двери закрываются, следущая остановка...

Название остановки заглущается железными грохотом закрывающихся дверей. Невидимый трамвай трогается с места, и стук колёс медленно отдаляется.

Лежа на животе, Бродяга смотрит вслеп уходящему трамваю, делает глоток из бутылки и поднимается на ноги. Бродяга возвращается к потерянной кепке: со злостью толчет её ногой, отфутболивает в сторону и отворачивается, чтобы уйти.

Сделав пару шагов, Бродяга возвращается: он поднимает кепку, отряхивает, надевает на голову и переходит через дорогу к трамвайной остановке.

Трамвайная остановка — это одинокая каменная скамейка с потерянными деревянными планками. Рядом со скамейкой — перпендикулярная бумажным мусором перекладная урна. Остановку освещает тусклый жёлтый свет фонаря.

Бродяга садится на скамейку, закидывает ногу на ногу. Рассматривая сбитый носок туфли, делает глоток из бутылки. Пос-

попрошаться, побить наелине. Потому, что знала — не смогу поехать на похороны. У меня работа. И он об этом тоже мог думать, и сам решил попроситься со мной. Мне дали эту большую тяжелую папку с документами, чтобы завалить меня работой до конца жизни. Как же я ненавижу свою работу. Но причем здесь эта дурацкая папка и дурацкая работа. Не при чем.

Пришло СМС от тети: «Дедушка умер». Мне было грустно. Как-будто босая, что есть сапоги, что их нет — ноги насквозь промокли. Я медленно сошла. Я устала бороться с ветром и остановилась на секунду. Покрутила носком сапога, чтобы нарисовать кружочек на тонком слое снега. Хорошо получилось. Пока я буду делать свою работу — могу столько в жизни пропустить! Вот дедушки больше нет.

И больше у меня никогда не будет дедушки. Я так и говорила ему: «Дедушка, живи как можно дольше. Ты же последний дедушка!» И он меня слушал. Ему было очень тяжело подниматься с кровати каждое утро — ноги болели. Но он кормил свиней, вывозил козу пастись на дужайку возле дома, собирал для нас яйца с куриных гнезд, чтобы потом приготовить гостинцы в дорогу.

А мы забывали о нем. Удем в Николаев и забудем. У-ууу меня же работа...

Я обернулась. Никого не было. Да и быть не могло. Ветер хлопнул меня по спине.. Началось ТАКОЕ! Настоящая метель! Снежинки, как кусочки льда. Мои глаза почти ничего не видели. И я не то плакала, не то это все мокрый снег. Позвонил Ваня и позвал меня домой. Что-то заставило меня еще раз обернуться. Старенький дедушка с палочкой вел Своё сражение с непогодой. Я часто видела его в этом районе и знала, где он живет. Ему бы дойти до дома: Глинки, 3. Осталось немного. Он как будто улыбнулся мне. Я улыбнулась в ответ. Прошай, дедушка.

— А разница? — последний звук «а» разнесся над ближайшими могилами от падающего Вани и шлепнулся с ним в глину. Мягкую, абрикосовую. Гроб с Ваниной бабушкой я не удержал, и он плашмя накрыл Ваню. Новоиспечённая Заратуштра понюхала Ванин ботинок. Я выплюнул ком слюны.

— Живой?

— А чо мне будет? — оговаялся Ваня заливаясь в истерическом смехе. — Бабушка-то легка! — он смеялся и трясся. На нем подрыгивал гроб. — С месяц толком не ела!

Его истерика зацепила и меня. Не знаю, что меня расмешило больше: то ли то, что бабушка месяц ничего не ела, то ли Ваня мордой в глине и на спине та бабушка, которая месяц толком не ела. Я повалился на маленький глиняный холмик и держась за надрывающийся живот ухахатывался. Наверно у меня от смеха даже потекли слезы.

Сверкнула молния. Заратуштра грозно гавнула. Раздался гром.

— А мы вроде как пришли, — Вани спихнул гроб в сторону и отледелся.

Метрах в пяти от нас была яма и небольшая горка глины, в горку была вставлена лопата. За лопату Ваня договорился заблаговременно и на обратной дороге обещал отнести сторожам. Мы подошли к яме и заглянули вовнутрь. Яма была добротная. Метра два глубинной и по ширине как для настоящего буржуа из сказки «Мальчиш кибальчиш», совсем не для скромного гроба бабушки, которая месяц толком ничего не ела. Но самое плохое в этой могиле было то, что на дне было уже с полметра воды. Вода просто стекала струйкой в эту яму.

— Дай водку.

Я дал Ване бутылку, он отхлебнул.

— Гроб всплывать будет, тут воды немеряно.

— Не будет, он же не из цельного дерева! Вода проникнет внутрь, и он потонет.

— Не потонет.

— Потонет.

Заратуштра встала между нами и гавкнула сначала глядя на меня, потом на Ваню.

Мы кинули гроб в яму, он шлепнулся и всплыл. Ваня начал тут по хихикать.

— Спокойно! Ваня! Спокойно! Я встану на гроб, он потонет, а ты будешь закапывать.

— Нет! Так нельзя, — строго посмотрел на меня Ваня. — Это моя бабушка, я должен на нее встать.

Дальше Ваня стоял на гробе в яме, а я закидывал лопатой глину. Он выпил полбутылки водки, а я разодрал руки и даже под дождем весь запыл. Когда гроб перестал всплывать, а я совсем

замахался, закапываєть продолжил Ваня, а я угостил Заратуштру водкой и остаток допил сам. Заратуштра пила, трясла головой, но пила.

— Ну, шо? Пойдем? — сказал я Ване, когда закапывание было окончено.

— Пойдем.

Дождь начал идти крупными каплями. Мы сделали несколько шагов от могилы. Заратуштра окликнула нас троекратным «вав».

— А, да, — Ваня начал возвращаться к могиле, — лопату забудь, отдать ведь надо. А то неудобно как-то.

Вика Петровна

ДЕДУШКА

Никто бы не подумал, что когда на улице дует сильный ветер, это что-то да значит. Но сегодня было по-другому. Шел мокрый снег. Я очень замерзла. Мои дешевые сапоги намочили и я чувствовала, что с минуты на минуту — заболело. И все сегодня было плохо. Утром я потеряла набойку каблук. Вот у лошадей тоже подковы время от времени слетают. И ничего — успокаивала я себя. Позже обнаружила, что забыла еще и бублики, чтобы перекусить. Придет Валик раньше меня с работы и все скушает.

Я тяжело шагаю — измотанная, проклиная свою работу, директора, который дает мне эту работу и себя, за то, что соглашаюсь на нее. Даже сердце заекало. Да, молодая, а сердце уже болит. Я остывилась напротив интернет-клуба «Розовая Пантера». Молодые ребята смотрят на меня или на пагалоющую антенну на крыше многоэтажки? Мы с ангенной находимся на одной зрительной дорожке. Здесь «место встречи» некой тусовки Корабельного района. Я какая-то не такая, неприглядная, нехороша для них, что не вхожу в их компанию? Или это боженька меня бережет от таких друзей? Пускай курят свои сигареты без меня, пускай ищут что-то в интернете, пусть ходят на пляж первобытной гурьбой пить на единственной успевающей лавочке спиртное. А я пойду домой.

Но ветер как будто не хотел, чтобы я дошла туда и сбивал меня с ног. Я с трудом удерживала на своей голове капюшон и мне очень мешала папка под мышкой. Что мне сейчас нужнее: тепло для моей головы или эта папка с документами? Может выбросить ее прямо сейчас? Долго я не думала. Конечно, ПАПКУ бережно прикрываю рукой, защищая от морозного ветра. Но в то же время эларадно улыбаюсь. Документы ведь намочили, потеряли свой белоснежный лоск. Хотя при чем здесь эти дурацкие документы и мой капюшон? Ни при чем.

Сегодня, наверно, умер мой дедушка — почему-то подумала я. Мне снилось много лет назад, что он умер. Я тогда обрадовалась! Это же верная примета, что дедушка будет жить еще долго. Возможно, сегодня действие этого вешнего сна подошло к концу и исполнилось наяву.

И я представила себе, что он тихонько шел позади меня. И ему не мешал ветер. В отличие от меня. Он был спокоен. У него не болели ноги от остеохондроза. Ему было хорошо. Я хотела с ним